

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

5.

Стр.

5. Изъ старыхъ рукописей (Сообщено **А. А. Титовымъ**).
47. Записки **Н. В. Одинцова** о плѣнѣ его въ Бухарѣ.
47. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его дочери. 1833 г.
81. Изъ Записокъ **Леониды архіепископа Ярославскаго**. 1857.
91. **Николай Павловичъ Боголюбовъ**. Статья **Е. А. Боголюбовой**.
113. Отзывъ **Фридриха Великаго** про **Евтерину Великую**.
— **Екатерина Великая** про графа **П. Б. Шереметева**.
114. Русское масонство и его обряды (Сообщено **Т. О. Соколовскою**).
126. Дарованіе правъ гвардіи ротѣ Черниговскаго полка (Сообщено **М. Е. Соколовскимъ**).
126. Письмо **Л. С. Пушкина** къ **С. А. Соболевскому**. 1823.
127. Изъ неизданныхъ стихотвореній **Н. Ф. Щербинны** (Сообщено **Н. О. Лернеромъ**).
128. Исторія **Димитрія царя Московскаго** и **Марипы Мнишекъ**. Дневникъ **Мартына Стадницкаго**. Съ предисловіемъ **А. А. Титова**. Часть 1-я.
175. Изъ домоваго архива графа **П. В. Шереметева**.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1906.

ЗАПИСКИ РОСТОВЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ОДИНЦОВА.

Въ этихъ запискахъ Н. В. Одинцовъ безхитростно описываетъ свое путешествіе и свой плѣнъ въ 1864—1865 годахъ.

О причинахъ плѣненія Русскихъ купцовъ извѣстный Пештскій профессоръ Германъ Вамбери въ своей Исторіи Бухары говоритъ: „Когда въ 1864 г. въ Русскія руки попалъ городъ Туркестанъ, мѣсто упокоенія знаменитаго отшельника Хаджи-Ахмета-Есеви, то эта первая страшная вѣсть навела ужасъ на Среднеазиатцевъ; но у нихъ были раздоры, и среди нихъ не было единства. Русскіе безъ особаго сопротивленія двинулись черезъ Сараймъ на Ташкентъ и взяли во владѣніе эти сѣверныя ворота центральной Азіи. Въ то самое время Бухарскій эмиръ послалъ къ командиру генералу Черняеву дерзкое письмо, въ которомъ онъ потребовалъ очищенія завоеванной земли, грозя въ противномъ случаѣ поднять противъ Русскихъ всѣхъ правовѣрныхъ Турана и для большей важности задержать имущество временно пребывавшихъ въ Бухарѣ Русскихъ купцовъ. Отвѣтъ изъ Русской главной квартиры былъ не менѣе учтивый, и когда Русскіе взяли подобное возмездіе съ Бухарцевъ въ Оренбургѣ, т. е. задержали Бухарскихъ купцовъ, тогда эмиръ отправилъ хаджу Неджмеддина съ дружескимъ посольствомъ въ Петербургъ и съ жалобой царю на притязанія его генераловъ. Расчетъ эмира былъ выиграть время этой уловкою и подавить возстаніе въ Шегри-Сибзѣ, но Русское правительство этотъ разъ его перехитрило. Посоль эмира былъ задержанъ на пути и заключенъ въ фортъ Казала. Такъ какъ повелитель Бухары въ отвѣтъ на освобожденіе Бухарскихъ купцовъ все еще держалъ подъ арестомъ Русскихъ подданныхъ, то генералъ Черняевъ послалъ полковника Струве въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ въ Бухару, чтобы мирно по возможности уладить дѣло. Но эмиръ заарестовалъ посланныхъ, и послѣдствіемъ было паденіе Бухары“.

Записки Одинцова являются до сихъ поръ единственнымъ письменнымъ памятникомъ положенія и быта Русскихъ плѣнниковъ-купцовъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ Бухарой до ея пораженія. Рукопись была мнѣ вручена самимъ Одинцовымъ, теперь уже умершимъ, съ просьбой исправить орфографическія погрѣшности и слогъ, что мною исполнено безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Купцы Ключаревы, въ теченіе не одного десятка лѣтъ вид-

ные люди въ Оренбургѣ, всѣ померли, и самое ихъ дѣло прекратилось, равно какъ и старѣйшіе торговые дома Весниныхъ, Дюковыхъ, Путоловыхъ и др., гремѣвшіе до взятія Ташкента во всей Средней Азіи.

Завоеваніе Ташкента, Хивы и подчиненіе Бухары вызвало другіе приемы Азіатской торговли; появились новые, болѣе настойчивые предприниматели, а побѣжденные Сарты оказались тоже предприимчивѣе своихъ побѣдителей, захвативъ въ свои руки Азіатскіе рынки съ перекупными товарами Московскихъ фабрикъ.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій 1906 Марта 7.

*

Поѣздка въ Бухару въ 1863 г. подвернулась мнѣ какъ-то неожиданно; ибо я уроженецъ города Ростова Ярославской губерніи. Я служилъ по торговой части въ приказчикахъ у г. Т...ва около 20 лѣтъ, имѣлъ жену и четырехъ дочерей, получалъ жалованье умѣренное, котораго однако доставало мнѣ на содержаніе моей семьи, пока дѣти были невелики. У меня былъ тесть, г. К., человекъ богатый. Онъ тоже былъ уроженецъ г. Ростова, но по своимъ торговымъ дѣламъ съ Средней Азіей приписался въ г. Оренбургѣ. Я рассчитывалъ, при содѣйствіи моего тестя, устроить свою жизнь лучше, и онъ мнѣ съ своей стороны сулилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ улучшить мое положеніе; но, какъ послѣ я узналъ, мой тесть, г. К. не только родному, но и постороннему готовъ былъ сдѣлать добро, если отъ этого ему придетъ 10 копѣекъ на рубль пользы. Вотъ на этомъ основаніи мнѣ и представился случай взять порученіе купить въ Бухарѣ на 60 тысячъ рублей неразмотанныхъ шелковичныхъ коконовъ для Московскаго торговца шелками г-на В-на. Такъ какъ мой тесть постороннему лицу сомнѣвался довѣрить такіа деньги, или хотѣлъ милость оказать мнѣ и этимъ улучшить мой бытъ, то и сдѣлалъ мнѣ предложеніе ѣхать въ Бухару для покупки коконовъ, а жалованья назначилъ почти вдвое противъ того, что я получалъ у г. Т...ва.

Конечно, я не скоро бы рѣшился на эту поѣздку, если бы совершенно не зналъ Азіи; но такъ какъ я сызмала жилъ въ Оренбургѣ въ мальчикахъ тоже по торговой части, то навѣкъ порядочно Татарскому языку, на которомъ можно объясняться въ Средней Азіи. Предложеніе мнѣ было сдѣлано на Нижегородской ярмаркѣ моимъ шуриномъ А. С. К., который ко мнѣ нѣсколько благоволилъ. Я принялъ это предложеніе съ радостію, ни съ кѣмъ даже не посоветовавшись. Шуринъ обѣщалъ уведомить меня письмомъ, когда я долженъ буду выѣхать изъ Ростова

въ Оренбургъ. По прїѣздѣ своемъ въ Ростовъ, я передалъ рѣшеніе о своей поѣздкѣ въ Бухару женѣ, которая меня не одобрила. Недолго я ждалъ въ Ростовѣ письма: какъ помнится мнѣ, я получилъ его въ концѣ Сентября мѣсяца. По этому случаю я объяснился съ старымъ своимъ хозяиномъ и поблагодарилъ его за хлѣбъ—за соль. Мой хозяинъ, г. Т. . . въ, не вполне одобрилъ мое рѣшеніе, совѣтовалъ мнѣ остаться въ Ростовѣ и прибавлялъ жалованья; но я былъ непреклоненъ, рѣшивъ, хотя и опаснымъ путемъ, пробить себѣ дорогу къ лучшему. Письмо изъ Оренбурга не замедлило, и я получилъ приказаніе ѣхать туда. Я считался съ старымъ своимъ хозяиномъ (который подарилъ мнѣ лучшаго сукна на сюртукъ), помолился Богу, отслужилъ молебень Владимирской Божіей Матери и Ростовскимъ чудотворцамъ, простился съ своей семьей, горько заплакалъ, особенно разставаясь съ своею восьмилѣтнею дочерью, которая плакала болѣе всѣхъ и твердила: «Папаша, мнѣ васъ очень жаль». Бѣдная, она чувствовала, что со мной болѣе не увидится: безъ меня она утонула или, проще сказать, ее утопили. Послѣ горькой разлуки я отправился одинъ на парѣ перекладныхъ, на перемѣнныхъ, по Нижегородскому тракту. До Нижняго дорога мнѣ была хорошо извѣстна: двадцать ярмарокъ ѣздилъ я въ Нижний. Въ Нижнемъ на станціи, гдѣ я мѣнилъ лошадей, на дворѣ въѣхало около шести троекъ. На каждой тройкѣ сидѣло по два сѣдока, а напередѣ по два жандарма; на ногахъ сѣдоковъ погремывали цѣпи. Почти всѣ они были ксендзы; только одинъ, какъ сейчасъ смотрю, невысокаго росту, худощавый, даже нѣсколько прихрамывавшій, былъ въ штатскомъ платьѣ; особа, вѣроятно, какая-нибудь важная; когда онъ сходилъ съ приступокъ, то ксендзы его поддерживали. Съ нимъ въ однихъ саняхъ сидѣла женщина лѣтъ около 35, красивая собою; на ней былъ атласный салопъ на лисьемъ мѣху съ собольимъ воротникомъ, а изъ-подъ салона видѣлось шелковое платье.

Лошади мнѣ были готовы, и я благополучно отправился по тракту въ Симбирскъ. На половинѣ станціи догоняетъ меня тоже сѣдокъ на парѣ перекладныхъ и предлагаетъ соединиться съ нимъ, потому что и онъ тоже ѣдетъ по Оренбургской дорогѣ въ Бузулукскій уѣздъ, не доѣзжая до Оренбурга 250 верстъ. Я съ удовольствіемъ согласился, потому что вдвоемъ будетъ много веселья. Мой спутникъ былъ небогатый помѣщикъ; по Оренбургской дорогѣ въ Самару у него была небольшая деревушка, домовъ въ 10-ть, и онъ содержалъ станцію. Съ женою онъ почему-то разошелся. Ему было около 60-ти лѣтъ; ѣздилъ онъ въ Петербургъ снимать съ глазъ катаракты; но мнѣ показалось, что съ какими глазами! ѣхалъ въ Петербургъ, съ такими же и возвра-

шался, какъ еще не хуже. Передъ послѣдней станціей передъ Симбирскомъ я съ нимъ разстался, въ виду того, что я торопился ѣхать въ Оренбургъ поскорѣе, какъ мнѣ приказано въ письмѣ, а спутникъ мой желалъ ѣхать съ отдыхомъ, чтобы на станціяхъ порядочно поспать.

Въ Симбирскѣ я встрѣтилъ вмѣсто домовъ почти что по всемъ улицамъ заборы, а за ними виднѣлись однѣ трубы послѣ обгорѣлыхъ домовъ, въ народѣ уныніе; въ трактирѣ пришелъ, половые точно хворые; это было вскорѣ послѣ большого Симбирскаго пожара. Попивши чаю и пообѣдавъ на скорую руку, я немедленно отправился дальше одинъ на перекладныхъ. Путь лежалъ на Самару по самому горному мѣсту; но дорога была ровная; лошадей перемѣнялъ на половину въ Мордовскихъ деревняхъ; наконецъ приблизились къ Волгѣ, къ которой спустились въ ущелье Жигулевскихъ горъ. Сверху было какъ-то незамѣтно, что мы ѣхали по горамъ, но когда спустились на Волгу, намъ представился очаровательный видъ Жигулевскихъ горъ. Это уже послѣдняя станція по дорогѣ въ Самару, и мы вплоть до нея ѣхали по берегу Волги.

Въ Самарѣ я пробылъ очень недолго, но долгомъ поставилъ себѣ пообѣдать и поѣсть стерляжьей ухи и разварной стерляди, потому что почти по всей Волгѣ не встрѣтишь стерляди дешевле, какъ въ Самарѣ. Здѣсь мнѣ не предстояло никакого дѣла, и я, не теряя времени, отправился въ Оренбургъ. На пути изъ Самары до самаго Оренбурга замѣчательнаго почти ничего нѣтъ, развѣ двухверстныя деревушки въ два посада съ маленькими домиками и дворами, обнесенными вмѣсто заборовъ плетнями, да переѣздъ черезъ Общій Сыртъ или Уральскія горы, которыя отстоятъ отъ Оренбурга верстъ на тридцать.

Наконецъ я и въ Оренбургѣ. Отыскать домъ моего батюшки-тестя не представляло никакого затрудненія: названіе улицы я зналъ, а домъ указали. Подъѣзжаю къ дому, увидели меня изъ окна, и вся семья, тесть, теща, шуринъ съ супругой и двѣ барышни-свояченицы встрѣтили меня съ радушіемъ. А я какъ былъ радъ, позабылъ даже свою семью и 1500-верстную ѣзду на перекладныхъ. На другой день родные тестя пришли, а другіе пріѣхали привѣтствовать пріѣзжаго. У тестя въ Оренбургѣ, гдѣ онъ выдалъ свою дочь, была родня съ хорошими средствами.

Цѣлую недѣлю я бражничалъ, меня возили по роднымъ и знакомымъ; но всему бываетъ конецъ: начали подумывать и о Бухарѣ, стали готовить и товаръ для Бухары. Товары готовились такіе, которые поскорѣе бы можно продать, а именно: сахаръ-леденецъ,

сахаръ-большія и мелкія головы; изъ мануфактурнаго товару тикъ-ситецъ Саксонскій, были ситцы и получше, Баранова, Людвигъ Битепажа и Цинделя, сѣмя канцелярское и стеариновыя свѣчи. Весь этотъ товаръ сначала обертывался въ красную юфть, а сверху обшивался въ кошмы. Когда упаковка товаровъ приходила къ концу, тесть мой вздумалъ сдѣлать обѣдъ для знатныхъ Бухарцевъ. Обѣдъ былъ вполне Бухарскій: подавалось все то, что они кушаютъ у себя въ домѣ; распорядителемъ этого обѣда былъ Бухарецъ, другъ и пріятель моего тестя. Абдулабай. Но такъ какъ Бухарцы по мусульманскому закону водки не пьютъ, а особенно въ компаніи пить ни за что не будутъ: то шуринъ мой, зная ихъ хорошо, вызывалъ изъ-за стола то того, то другого, какъ будто бы по секрету что сказать, и угощалъ ихъ виномъ и водкой, и всѣ они къ концу обѣда сдѣлались веселѣе и разговорчивѣе.

Потомъ уже стали думать объ отправкѣ товаровъ въ Казалинскъ. Нашли извозчиковъ Киргизъ и отправили на верблюдахъ. Это первый транспортъ. Товару было на 35 тысячъ серебромъ. Второй транспортъ долженъ отправиться вмѣстѣ съ нами въ повозкахъ на санномъ ходу: этотъ товаръ заключался въ серебряной Николаевской монетѣ, въ цѣлковыхъ, полтинникахъ и четвертакахъ; его тоже было на 35 тысячъ рублей. Всего товару и монеты было на 70 тысячъ; изъ нихъ на покупку шелковыхъ коконовъ 60 тысячъ, а на послѣднія 10 тысячъ велѣно было купить хлопку и непременно выслать его къ Нижегородской ярмаркѣ. На все, что нужно было сдѣлать миѣ въ Бухарѣ, дана инструкція, которой я и руководствовался.

Послѣднее дѣло въ Оренбургѣ сдѣлано: мой батюшка-тесть представилъ меня Оренбургскому генералъ-губернатору Крыжановскому и просилъ его превосходительство, чтобы въ степяхъ отъ Русскихъ властей въ крайности миѣ была оказана защита. Генералъ-губернаторъ отправилъ со мной письмо и посылку (серебряный чайный сервизъ) Бухарскому токсабѣ или министру завѣдующему военной и гражданскими частями, и письмо Казалинскому коменданту. Когда заручились всѣмъ, что нужно было для меня въ дорогъ на Русской границѣ и въ Бухарѣ, насъ стали уже готовить и къ отъѣзду: приготовили двѣ повозки, уклали на нихъ денегъ серебряною монетою тридцать пять тысячъ рублей и снабдили насъ вдоволь кое-какими съѣстными припасами, не забыли положить и водочки. Я простился съ своими родными, и мы вчетверомъ отправились въ Казалинскъ; четвертый съ нами былъ Хивинецъ, хорошій пріятель батюшки-тестя.

Путь нашъ лежалъ на Орскую крѣпость, но такъ какъ мы ѣхали зимой, то замѣчательнаго ничего не встрѣтилось, кромѣ какъ Губерлинскія горы. Въ Орской крѣпости мы были недолго. Хотя Орскъ и зовутъ крѣпостью, но крѣпости никакой нѣтъ. Народъ въ ней живетъ половина Русскихъ и половина Татаръ, такъ что Русскія женщины, а равно и дѣти, говорятъ по-татарски, какъ сами Татары; наоборотъ и Татары хорошо говорятъ по-русски. Теперь большой наплывъ въ Орскъ Русскихъ крестьянъ.

Изъ Орска мы выѣхали уже въ степь. Въ степи ничего не увидишь кромѣ неба и земли; изрѣдка встрѣтится станція, къ которой мы подъѣдемъ переменить лошадей; даже и ауловъ Киргизскихъ нѣтъ близъ дороги.

Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ Уральскому укрѣпленію, которое отстоитъ отъ Орска верстъ на 350. Небольшая крѣпость стоитъ на горѣ; мѣсто это прежде называлось Ирғизъ; здѣсь въ прежнее время укрѣплялись хищныя орды Киргизцевъ. Мимо этой крѣпости течетъ рѣка, которая называется Ирғизъ; говорятъ, она очень длинная, но не широка; вода въ ней соленая. Жители Уральского укрѣпленія на кушанья и на чай употребляютъ воду изъ Ирғиза, и чай пьютъ здѣсь соленый, а прѣсную воду, кому угодно, надо брать за 12 или 15 верстъ изъ какого-то озера. Жителей здѣсь очень мало, но живутъ всѣ исправно. Степи этого городка изобильны лучшимъ скотомъ и кормомъ.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи мы были также недолго: перебрали лошадей да и отправились въ Казалу, до которой отъ укрѣпленія считаютъ около 400 верстъ. Всѣ эти 400 верстъ мы ѣхали степью: Киргизскихъ ауловъ на пути почти нѣтъ. Для отдыха останавливались на станціяхъ, которыя устроены изъ необожженного кирпича и вымазаны глиной, а въ нѣкоторыхъ станціяхъ поставлены Киргизскія кибитки. На протяженіи всѣхъ 400 верстъ нѣтъ ни одной рѣчки. Киргизы и скотъ ихній продовольствуются колодезной водой. Когда стали приближаться къ заливу Аральскаго моря, нужно было переѣхать Кара-Кумъ, т. е. черные пески. На этотъ путь вмѣсто лошадей запрягли верблюдовъ, станціи на двѣ; наконецъ проѣхали Аральскій заливъ и пріѣхали въ Казалу.

Теперь Казала переименована въ Казалинскъ, а когда мы пріѣхали въ концѣ 1863 года, она еще сохраняла свое названіе Казала. Въ ней, на берегу Сыръ-Дарьи, устроена крѣпость, обнесенная рвомъ, въ который въ случаѣ надобности изъ Сыръ-Дарьи напускается вода. Кро-

мѣ крѣпости устроены двѣ слободки: казачья и солдатская. Казаки за какіе-то безпорядки были сосланы сюда въ Казалу; такъ какъ они хорошіе рыболовы, то и здѣсь въ устьѣ Сыръ-Дарьѣ и на взморьѣ устроили рыбную ловлю. Рыбы здѣсь изобиліе, изъ красной все почти одинъ шипъ, а прочая рыба, какъ-то сазанъ, судакъ, щука и т. д. ни по чемъ. Въ солдатской слободкѣ живутъ женатые солдаты, а также немало и прїѣзжающихъ торговцевъ; нѣкоторые выстроили и свои дома. У одного изъ этихъ торговцевъ мы и остановились. Въ Казалѣ пришло намъ пожить довольно.

Первымъ долгомъ я отправился къ коменданту, которому вручилъ письмо отъ генераль-губернатора. Комендантъ пригласилъ меня къ обѣду, и я принялъ его приглашеніе. Комендантъ Казалы, какъ я узналъ послѣ, былъ Полякъ; но, не смотря на это, его хвалили всѣ торговцы, всѣмъ былъ къ нему свободный доступъ, и онъ въ случаѣ надобности оказывалъ помощь всякому, а въ степи на дальнее разстояніе онъ зналъ все, что дѣлается. Однихъ торговцевъ, отправлявшихся въ Бухару, онъ снабдилъ и ружьями, какъ узналъ, что въ степи бродятъ шайки разбойниковъ.

Теперь остались у меня двѣ заботы: одна—товаръ, отправленный изъ Оренбурга, не пришелъ; а вторая—нужно подыскать извозчиковъ Киргизъ до Бухары.

Наконецъ дождались и товару, наняли до Бухары и извозчиковъ, и еще наняли себѣ для разныхъ услугъ въ степи молодого Киргиза, Хивинца же оставили въ Казалѣ: онъ долженъ былъ изъ Казалы отправиться въ Хиву другой дорогой. Купилъ я двѣ лошади: одну для себя, а другую для Татарина, моего ментора; подручному молодцу и нанятому Киргизу мѣста устроены были на верблюдахъ. Помолясь Богу, оставили матушку-Россію и отправились въ Среднюю Азію уже вмѣстѣ съ товаромъ и серебряной монетой, которой было навьючено четыре верблюда. Провизіи заготовлено было довольно, даже не забыли взять ведро спирту для употребленія когда съ горя, а когда и съ радости. И тронулись, помолясь Богу, въ неизвѣстную мнѣ путь-дороженьку. По этому пути нѣтъ ни станцій, ни мазанокъ, ни кибитокъ, даже не встрѣчалось видѣть и Киргизскихъ ауловъ, только по сторонамъ часто видѣлись мазанки, въ родѣ часовенъ, сдѣланные изъ глины: это могилы богатыхъ Киргизовъ. Въ нѣкоторыхъ мазанкахъ внутри стѣны расписаны: тутъ изображены верблюды, лошади, бараны и прочій скотъ, вѣроятно, что имѣлъ покойникъ. Останавливались мы тамъ, гдѣ при-

ставали прежде насъ проходящіе караваны. Когда подъѣдемъ къ мѣсту стоянки, Киргизы-извозчики въ нѣсколько минутъ сложать съ верблюдовъ товаръ и поставятъ его въ козлы, а верблюдовъ пустятъ гулять, гдѣ для нихъ изобильно корму. Трава, которую любятъ верблюды, колючая, иголки на ней длинныя, но мягче шиповника, листъ довольно крупный. Потомъ извозчики-Киргизы разгребутъ снѣгъ и быстро поставятъ желумейки, какъ для насъ, такъ и для себя; послѣ этого всѣ начнемъ готовить для себя кушанья, поставимъ козелки, привѣсимъ котелокъ для кушанья и чайникъ для чаю; вмѣсто дровъ Киргизы наберутъ кизяку, а вмѣсто воды снѣгу.

Такимъ образомъ мы добрались до Джана-Дарьѣ. Эта рѣка мѣстами заросла, а мѣстами богата водой. Тутъ Киргизы, извозчики наши, остановились на отдыхъ и поправить верблюдовъ. Около этой рѣки довольно корму, который скотина достаетъ изъ-подъ снѣгу; довольно здѣсь и лѣсу. Дерево, которое растетъ здѣсь, называется саксаулъ. Оно ростомъ въ среднюю яблоню, листу на немъ нѣтъ, топоръ рубить его не можетъ, а если пнешь ногой это дерево, то изломится; въ водѣ оно тонетъ, но горитъ на столько жарко, что въ огнѣ къ углю притронуться все равно, какъ къ раскаленному желѣзу; а уголь, на что вы ни положите, конечно, кромѣ воды, не погаснетъ и весь истлѣетъ, останется одна зола. На молодомъ саксаулѣ зелень какъ на молоденькой елкѣ. Въ этомъ лѣсу водится много фазановъ. Этимъ лѣсомъ и камышомъ въ Казагинскѣ и прочихъ фортахъ отапливаютъ дома; его продаютъ цудами.

Отъ этого мѣста намъ предстояло ѣхать 180 верстъ безводнымъ мѣстомъ, но такъ какъ мы ѣхали зимой, то въ водѣ нужды не имѣли, пользуясь снѣгомъ.

Простояли мы около Джанъ-Дарьѣ цѣлыя сутки. Я сталъ говорить извозчикамъ, что пора ѣхать, а они ни съ мѣста; говорятъ: «у насъ верблюды не везутъ». Проходятъ другія и третьи сутки, а Киргизы и ухомъ не ведутъ: говорятъ: «поспѣемъ». Что вы будете дѣлать, кому жаловаться на нихъ? Русское правительство осталось за 200 верстъ, а здѣсь насъ Русскихъ только двое да одинъ татаринъ; другихъ каравановъ не встрѣчалось, да опять у насъ на 4-хъ верблюдахъ нагружено серебряной монетой, вѣдь это деньги, товаръ соблазнительный. Признаюсь, я струсилъ: кто знаетъ, что у Киргизовъ на умѣ. Я сталъ опять просить извозчиковъ, чтобы они ѣхали, что верблюды уже отдохнули, но не тутъ-то было: они одно говорятъ: «поспѣемъ». Я обратился къ своему ментору-Татарину, что намъ дѣлать, а онъ еще

хуже меня растерялся: «Не знаю», говорить. Онъ, вѣроятно, отъ того растерялся, что его одинъ извозчикъ прибилъ ведромъ по головѣ и по чему попало, насилу я ихъ рознялъ, только не помню, за что онъ его билъ. Вотъ этотъ-то извозчикъ-Киргизъ, который билъ Татарина, вызвался везти свой товаръ, который у него былъ навьюченъ, только съ тѣмъ, чтобы во всю дорогу до Бухары харчи были наши. Я съ удовольствіемъ согласился, а главное что на его верблюдахъ было навьючено серебро, да и верблюды у него были лучше прочихъ. Товаръ я рѣшился оставить на волю извозчиковъ, иначе дѣлать было нечего, и мы тронулись въ путь безъ товару съ одною серебряною монетою по безводному мѣсту, но вотъ бѣда: дороги никто не знаетъ. Татаринъ, который ѣздилъ въ Бухару три раза, дороги не знаетъ; Киргизъ-извозчикъ говорить: «я первый разъ», тоже дороги не знаетъ, а про меня съ Владимиромъ и говорить нечего. Къ нашему счастью, въ этомъ безводномъ мѣстѣ сбиться съ пути некуда: дорога песчаная около 5 сажень въ ширину, а по обѣ стороны дороги песчанья горы, на которыя всѣ идущіе караваны и въѣзжаютъ для отдыха: около $\frac{1}{4}$ версты нужно подняться въ гору, а потомъ опуститься внизъ въ котловину. Въ этихъ котловинахъ по сту верблюдовъ съ товарами и больше уставляются, и съ дороги ихъ не видать. И такъ на сотни верстъ простираются эти песчанья горы, и все также надо въѣзжать изъ котловины въ котловину.

Со мной случилась въ этихъ горахъ маленькая неприятность. Дулъ очень сильный вѣтеръ, и у меня снесло съ головы башлыкъ. Я воротился его поднять, слѣзъ съ лошади, поднялъ и не торопясь надѣлъ его; смотрю по дорогѣ впередъ—караванъ нашъ не видать—я въѣзжаю на гору, въ одной котловинѣ смотрю—каравана нѣтъ, я въ другую котловину—тоже каравана нѣтъ; я въ третью—тоже нѣтъ; признаюсь вамъ, я порядочно струсиль, такъ что потерялъ въ этихъ горахъ и дорогу и не могъ на нее выбраться. Къ моему счастью, я увидалъ гуляющаго безъ товару и сѣдока верблюда. Я обрадовался верблюду и поѣхалъ прямо на него; лишь только подѣхалъ къ нему, смотрю внизу въ котловинѣ весь нашъ караванъ, вьюки сложены, жилумейки поставлены, и уже кипятится вода какъ для чаю, такъ и для кушанья. Я очень обрадовался и далъ себѣ слово въ этихъ горахъ не отставать отъ каравана.

Это была первая наша станція въ горахъ, и мы остановились на ночлегъ. Поутру рано насъ разбудили Киргизы-извозчики, которые пригнали гуляющихъ верблюдовъ и лошадей; верблюдовъ навьючили, а

лошадей осѣдлали, осталась ненавьюченной только одна наша желумейка, въ которой мы спали. Надо сказать, что въ этихъ горахъ въ зимнее время бываетъ хороший кормъ; много Киргизовъ изъ степей приходятъ со своими стадами въ эти горы; скоть вообще, а бараны особенно, хорошо поправляются. Въ горахъ и на горахъ корму довольно, а питье—снѣгъ; когда же снѣгъ станетъ таять, тогда бѣги изъ этихъ горъ: безъ воды смерть и человѣку, и скоту. Послѣ этой станціи мы отправились дальше. Киргизы-извозчики скоро нашли дорогу. Отъѣхавши по дорогѣ нѣсколько верстъ, мы замѣтили свѣжій верблюжій слѣдъ по лѣвую сторону ея, и наши извозчики направили верблюдовъ по этому слѣду. Проѣхали еще нѣсколько верстъ; слѣдъ этотъ повелъ насъ въ горы. Мы съ своимъ караванчикомъ по нему отправились и въ горы; лишь только вѣхали на первую гору, какъ увидали въ котловинѣ два Бухарскіе каравана. Мы этой встрѣчѣ очень обрадовались, съѣхали съ горы и недалеко отъ Бухарскаго каравана и наши возчики начали развьючивать своихъ верблюдовъ, а я съ своимъ Татаринѣмъ пошелъ познакомиться съ хозяевами этого, также небольшого, каравана. Этотъ караванъ принадлежалъ двумъ Бухарцамъ, хозяева котораго тутъ при караванѣ были сами. Они приняли насъ радушно и даже угостили пловомъ (лучшее Бухарское кушанье); еще болѣе мы обрадовались, узнавъ, что Бухарцы съ караваномъ тоже ѣдутъ въ Бухару: вмѣстѣ съ ними мы могли спокойнѣе продолжать свой путь.

Переночевавши въ одной котловинѣ съ Бухарцами, поутру рано отправились тремя кошами три хозяина. Когда мы достигли половины пути безводнаго мѣста, намъ представилось между песками удивительное зрѣлище: версты на двѣ или на три по пути и около версты въ ширину такое гладкое и ровное мѣсто, что никакое шоссе не можетъ сравниться съ тѣмъ, что создала сама природа. Я подумалъ, если бы на этомъ мѣстѣ устроить бѣгъ, то лучшаго нельзя нигдѣ и найти. Это мѣсто Киргизы и Бухарцы называютъ «Кызыль-Такіръ», т. е. красная гладь; оно замѣчательно ровное и гладкое и все усыпано меленькими камешками, которые на солнцѣ великолѣпно блестятъ. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ Киргизы и пожелали вырыть колодезь; колодезь вырыли и воду достали, только она никуда не годилась: ни человѣку, ни скоту пить нельзя; такъ его и зарыли. Выйдя изъ песковъ и безводнаго мѣста, мы прикочевали къ горѣ, называемой Бухарцами Буканъ-Таву. Буканъ какой-то былъ значительный Киргизъ, а «тау» — гора. Здѣсь можно отдохнуть, вода прѣсная, лучшая по всей дорогѣ, колодець много; здѣсь въ лѣтнее время отправляющіеся въ Россію караваны поятъ верблюдовъ и заготовляютъ воду на 180 верстъ безводнаго пути какъ для

людей, такъ и для лошадей; гора эта, говорятъ, въ окружности около 100 верстъ.

Отселѣ въ Бухару три пути: первый путь—объѣздъ по лѣвую сторону, второй путь—объѣздъ по правую сторону, третій—взойти во внутрь горы; подняться на нее и идти каравану уже по горамъ; Бухарцы избрали послѣдній путь—по горамъ.

Когда мы въѣхали въ горы, насъ объялъ какой-то страхъ, конечно, кромѣ Бухарцевъ и Киргизъ. Внутри горы въ родѣ крѣпости: кругомъ стоятъ высокія обнаженныя мраморныя горы мелкаго слоя; по землѣ валяются разной величины отпавшіе отъ горы камни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ горъ готовы оторваться цѣлыя глыбы. На правой сторонѣ при въѣздѣ въ эту самородную крѣпость галерея сажени въ три шириной и около трехъ верстъ длинной; по обѣ стороны такія же высокія обнаженныя мраморныя горы; здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырыты колодцы и вода довольно пріятная. По этой галереѣ мы и отправились въ горы. Проѣхавши галерею, мы въ упоръ подѣхали къ выходу на гору и съ трудомъ съ своими верблюдами взобрались на нее. Верхи горъ заросли дикою травой. Здѣсь замѣчательнаго ничего не встрѣтилось почти до самой Бухары, которая отстоитъ отъ входа въ эти горы верстъ на 350; только на половинѣ этого пути мы ѣхали еще песками верстъ 30-ть, которые Азіатцы зовутъ «яманъ-кумъ», т. е. нехорошіе пески. По этимъ пескамъ при большомъ вѣтрѣ ѣхать трудно, и можно сбиться съ дороги; но за то здѣсь растетъ дерево, называемое, какъ я выше писалъ, саксаулъ, которое Киргизцы употребляютъ на уголь.

Наконецъ мы въ преддверіи Бухары. Смотрю: нашъ караванъ остановился; ѣду впередъ, стоитъ большая Киргизская кибитка: Бухарцы, наши спутники, раздѣваются и даже снимаютъ свои шаровары. Спрашиваю: «Что это такое дѣлается съ вами?»—«Здѣсь», говорятъ, «застава и предварительная таможня». Спрашиваю: для чего ихъ раздѣвали. «Насъ», говорятъ, «обыскивали, не веземъ ли мы при себѣ золота или какихъ цѣнныхъ вещей». Спрашиваю: «И насъ будутъ обыскивать?» но они сказали, что Русскихъ, которые пріѣзжаютъ въ Бухару, не обыскиваютъ. Все-таки меня потребовали въ кибитку, спросили, съ какимъ товаромъ ѣду и подъ чьей фирмой. Я все рассказалъ безъ утайки и упомянулъ, что въ числѣ товара есть посылка отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора господину токсабѣ, а также есть и письмо. Этимъ я нѣсколько возвысилъ себя, и таможенныя Бухарцы стали обходиться съ нами поласковѣй. Осмотрѣвши весь нашъ

караванъ, предварительная таможня послала съ нами нѣсколько чело-
вѣкъ Бухарцевъ и Киргизовъ сопровождать насъ до самой столицы
Бухары.

Не помню, въ концѣ Января или въ началѣ Февраля 1864 года
мы приближались къ Бухарѣ; только снѣгу уже не было, и всѣ дороги
были залиты водой, а по сторонамъ вездѣ виднѣлись обрѣзанные туто-
вые деревья, на которыхъ уже показывалась свѣжая зелень. Мы ѣхали
до перваго селенія, гдѣ намъ нужно было ночевать, почти что все во-
дой. Къ вечеру мы въѣхали въ селеніе, и насъ помѣстили на одинъ
дворъ; тутъ намъ принесли фруктовъ, Бухарскихъ лепешекъ, для чаю
согрѣли самоваръ, а лошадямъ дали нѣсколько сноповъ сѣна; и за все
это мы щедро расплатились Русскимъ серебромъ. Дали намъ мѣсто для
спанья, а о товарѣ сказали, чтобы мы не беспокоились: все будетъ
сохранно. Поутру насъ разбудили Бухарцы, наши провожатые. Когда
мы встали, почти вся деревня сошлась смотрѣть на Русскихъ, усѣлись
по сторонамъ на корточкахъ и глядѣли на насъ, какъ на нѣкоторое
чудо. Отсюда мы уже отправились въ Бухарскую столицу Бухару;
ѣхали также большею частью водой. Вотъ вдали показалась Бухара
или вѣрнѣе одни минареты, откуда азанчи крикомъ своимъ созываютъ
правовѣрныхъ Мусульманъ на молитву, а кромѣ минаретовъ за стѣной,
которою окружена Бухара, съ поля не видать ничего.

Наконецъ мы у воротъ древней Бухарской столицы. У воротъ
вмѣсто часовыхъ дежурягъ Киргизы, есть и Бухарцы. Въѣзжаемъ въ
столицу и ѣдемъ по какимъ-то узенькимъ переулкамъ, по обѣ стороны
которыхъ заборы, вымазанные глиной, а въ заборахъ вездѣ подѣланы
ворота. Я спрашиваю: «Гдѣ же дома, я не вижу». Мнѣ отвѣчаютъ:
«Когда въѣдешь въ ворота, то за заборомъ увидишь и домъ этого хо-
зяина, которому принадлежать ворота». Этими узкими улицами мы
проѣхали много базаровъ. На каждомъ базарѣ можно купить все, что
требуется Бухарцу для дома. Встрѣтилось немало огромныхъ прудовъ,
обложенныхъ кругомъ дикимъ камнемъ съ уступами; изъ этихъ пру-
довъ жители всей столицы пользуются водой. Наконецъ мы подѣзжа-
емъ къ самой серединѣ столицы. Провожатые насъ спрашиваютъ, въ
какой караванъ-сарай мы хотимъ ѣхать. Я говорю: «Который полу-
ше, туда насъ и ведите». Бухарцы же наши отправились въ караванъ-
сарай, въ которомъ торгуютъ постоянно, а намъ рекомендовали кара-
ванъ-сарай не изъ важныхъ; названіе его я забылъ, но помню, что въ
стѣнѣ этого сарая схороненъ какой-то святой, и въ отверстіи стѣны
всегда горитъ огонь. Мы въѣхали въ этотъ караванъ-сарай, и насъ

помѣстили въ огромную лавку въ родѣ сарая. Когда товаръ былъ сложенъ, таможенные чиновники просили меня, чтобы я съ ними явился къ токсабѣ-министру. Я взялъ съ собой переводчика своего Татарина, захвативъ посылку и письмо отъ Оренбургскаго генераль-губернатора. Токсаба жилъ во дворцѣ эмира. Дворецъ эмира, если смотрѣть на него снаружи, представляетъ земляную гору, въ которую ведетъ широкая деревянная лѣстница; когда поднимешься кверху, тамъ устроены ходы въ разные апартаменты. Насъ повели въ тѣ, гдѣ жилъ токсаба. Комната, въ которую насъ ввели, была устлана коврами, въ ней сидѣло нѣсколько Бухарцевъ на корточкахъ; вѣроятно, чиновники и чиновники немаленькіе.

На мнѣ была каракулевая шапка, Татарскій казинетовый бешметъ на ватѣ, который былъ заправленъ въ широчайшіе шаровары, тоже казинетовые и на ватѣ; въ такомъ костюмѣ я предъ очи господина токсабы. Его въ комнатѣ не было; мы немного дожидались. Является и господинъ токсаба въ парчевомъ халатѣ и въ бѣлой чалмѣ, шитой по краямъ золотомъ; наружность его привлекательная и голосъ тихій и пріятный. Я съ нимъ раскланялся: снялъ каракулевую шапку, поклонился и опять надѣлъ ее; такъ дѣлать училъ меня мой подручный Татаринъ. Мнѣ подали табуретку: Бухарцы знаютъ, что Русскіе на корточкахъ сидѣть не умѣютъ. Посылку и письмо у меня отобрали до прихода токсабы. Первымъ долгомъ токсаба спросилъ меня: «Здоровъ ли вашъ Государь?» Я черезъ переводчика-Татарина отвѣтилъ: «Благодаря Бога, Государь нашъ живъ и здоровъ со всей августѣйшей семьей». Онъ мнѣ отвѣтилъ: «А еакши, еакши», т. е. а хорошо, хорошо. Потомъ спросилъ, здоровъ ли генераль-губернаторъ. Я отвѣтилъ: «Благодаря Бога, здоровъ, вамъ кланяется и прислалъ вамъ посылку и письмо». Онъ отвѣчалъ: «Благодарю, благодарю». Потомъ передъ нами на полу на коврахъ разостлали салфетку изъ шелковой Бухарской матеріи, уставили тарелками съ разными Бухарскими фруктами и просили насъ, чтобы мы кушали. Чай подавали намъ до половины чашки и клали сахаръ. Я пилъ и ѣлъ не стѣсняясь, но Татаринъ мой ни къ чему не прикасался. Токсаба спросилъ его, отчего онъ не ѣстъ и не пьетъ чаю. Мой Татаринъ отвѣчалъ: «Ураза тутамонъ», т. е. постъ держу. Признаюсь, я едва удержался, чтобы не засмѣяться: Татаринъ нашъ и не думалъ поститься. Въ безводныхъ пескахъ захватилъ ихъ постъ, по ихнему «ураза», который продолжается мѣсяцъ; дорѣгой Бухарцы постились, а мой товарищъ Татаринъ и не думалъ о постѣ и токсабу обманулъ. Токсаба похвалилъ Татарина. Нѣсколько разъ я накрывалъ чашку, а мнѣ все - таки наливали еще и подкладывали лепешекъ на

салѣ, по-ихнему «чуреки». Наконецъ, насъ отпустили, а фрукты, которые были наставлены, г. токсаба приказалъ намъ взять себѣ. Товарищъ мой Татаринъ снялъ свой кушакъ изъ какой-то матеріи въ $\frac{1}{4}$ арш. ширины, разостлалъ его и всѣ фрукты съ тарелокъ сложилъ въ него (болѣе мѣсяца лакомились мы этими фруктами). На прощаніи г. токсаба обѣщалъ самъ придти на «закетъ», т. е. на ревизію товаровъ, когда они придутъ.

Недѣли черезъ двѣ пришелъ мой товаръ. На другой день явились ко мнѣ Бухарцы, таможенные чиновники, и объяснили мнѣ, что во столько-то часовъ обѣщаль быть самъ г. токсаба. Чиновники сказали: «Мы вамъ все приготовимъ и сколько будетъ стоить угощеніе, получимъ съ васъ деньги». Конечно, такого господина какъ г. токсаба въ Россіи угостить не дешево бы стоило, а мнѣ и со всѣми чиновниками обошлось не болѣе пяти рублей.

Въ назначенное время явился токсаба въ парчевомъ халатѣ, въ вышитой золотомъ чалмѣ и вышитыхъ золотомъ сапогахъ. Я также раскланялся съ нимъ. Онъ сѣлъ на ковръ на приготовленное Бухарцами мѣсто и попросилъ меня показать мои товары. Онъ внимательно, какъ главный начальникъ таможи, пересмотрѣлъ всѣ товары и сдѣлалъ у меня закупку нѣкоторыхъ мануфактурныхъ товаровъ на 2000 таннокъ (танка въ то время стоила 25 коп.)

На другой день послѣ посѣщенія г. токсабы явились ко мнѣ таможенные чиновники за полученіемъ пошлины съ Русской серебряной монеты и за 35 тыс. рублей получили 1750 руб., что составляетъ съ 20 рублей 1 рубль; также берутъ и за товаръ, но такая пошлина только съ Русскихъ или вообще съ христіанъ, съ Русскихъ же Татаръ, Бухарцевъ и вообще со всѣхъ Мусульманъ пошлина половинная: они платятъ съ 40 рублей 1 рубль.

Послѣ посѣщенія моей лавки г. токсабой ко мнѣ явились двое Русскихъ: одинъ рыжеватый, небольшого росту, уже пожилой человѣкъ, а другой—черноватый, много моложе, маленькаго росту, живой, развязный и веселый. Они рекомендовались мнѣ, что тоже пріѣхали въ Бухару недавно и получили уже весь товаръ на сумму 210 тысячъ рублей: хозяинъ ихній Оренбургскій солдатъ, Титъ Онуфріичъ Онуфріевъ, рыжеватый мужчина это главный приказчикъ г. Онуфріева, всего ихъ пріѣхало пятеро и ожидаютъ шестого.

Я очень обрадовался имъ: по-первыхъ увидѣть Русскихъ людей въ Бухарѣ, это рѣдкость, а во-вторыхъ они люди опытные, давно тор-

гують съ Азіатцами; рыжеватый мужчина уже третій разъ посѣщаетъ Бухару, его зовутъ Николай Николаевичъ Шмелевъ, а другого Левъ Никандровичъ Шкилинь. Съ ними я ожилъ: по крайней мѣрѣ нашлись люди, съ которыми можно поговорить о Россіи и обо всемъ Русскомъ. Мы часто посѣщали другъ друга, и намъ было весело. Товаръ свой я получилъ въ-время; у многихъ торговцевъ сорта, которые я привезъ, подобрались, и я свой товаръ распродалъ ходко, только на серебряную монету не было почину.

Я началъ уже подумывать о покупке хлопка для батюшки-тестя на 10 тысячъ рублей, какъ вдругъ получаю отъ него изъ Оренбурга письмо. Онъ пишетъ, чтобы хлопокъ въ Оренбургъ не покупать дороже какъ на 10 рублей, а между тѣмъ Русскіе Татары покупаютъ на 12 руб. и дороже въ Оренбургъ. Я оставался въ бездѣйствіи. Послѣ перваго письма недѣли черезъ три получаю еще письмо; тесть пишетъ, что цѣны на хлопокъ падаютъ и дороже какъ на 6 рублей въ Оренбургъ не покупать. О паденіи цѣнъ на хлопокъ письмо получилъ не одинъ я; получили также и всѣ торгующіе Татары и Бухарцы, но все таки начали покупать на 8 руб. 50 коп. Между тѣмъ время приближается къ отправкѣ хлопка, а у меня не куплено и фунта. Приходитъ ко мнѣ сарайманъ, содержатель караванъ-сарая или подворья. «Николай», говоритъ, «что же ты не покупаешь хлопка?» Я говорю ему, что мнѣ пишутъ купить на 6 руб. въ Оренбургъ, а покупаютъ на 8 руб. 50 коп. Бухарець мнѣ сказалъ: «Ты цѣну не уставишь; купи, какъ покупаютъ люди, а у меня лежитъ 200 пудовъ хлопку каракульскаго самаго лучшаго, вчера только что сложилъ одинъ пріятель, и цѣна ему такая-то, вотъ тебѣ и образы хлопка», и показалъ мнѣ хлопокъ. Смотрю, хлопокъ хорошъ, а цѣна въ Оренбургъ придетъ не дешевле какъ на 8 руб. 50 коп., а не на 6 руб. Что дѣлать! Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: я могу оправдать себя передъ батюшкой-тестемъ, сказавши, что купилъ хлопокъ по полученіи перваго письма, въ которомъ онъ писалъ покупать не дороже 10 рублей. Я тутъ же купилъ у Бухарца 200 пудовъ хлопку на 8 руб. 50 коп. и быстро началъ покупать еще; накупилъ около 700 пудовъ хлопку и еще кое-какого Бухарскаго товару и не мѣшкаяши отправилъ его (только этотъ товаръ и успѣлъ придти въ Оренбургъ до нашего ареста, о чемъ рѣчь впереди).

Наконецъ стало приближаться время для покупки коконовъ, за которыми я и посланъ изъ Россіи въ Бухару. По этому случаю надо было поторопиться распродать всѣ товары, которые я привезъ въ Бу-

хару, а особенно серебряную монету 84 пробы, на которую у меня не было и починна. Я пустил въ ходъ многихъ маклеровъ, и они доставили мнѣ немало покупателей. Съ сокрушеннымъ сердцемъ промѣнилъ я свою Николаевскую серебряную монету на дурныя Бухарскія тѣнки; въ то время тѣнки въ Бухарѣ стоили 25 копеекъ себр., а Бухарская тѣнка не болѣе нашего пятнадцатиннаго; вотъ на эти-то тѣнки и велась торговля въ Бухарѣ отъ рублевой до стотысячной и болѣе, кромѣ нихъ никакихъ денегъ не было. Поневолю купишь какого-нибудь Бухарскаго товара для Россіи и по цѣнамъ, какія существуютъ, а тѣнковъ въ Россію не повезешь: здѣсь ихъ ни по чемъ не возмутъ, кромѣ какъ серебряники на вѣсъ купятъ, да и въ этихъ плохихъ деньгахъ оказывается много фальшивыхъ, такъ что въ 2000 тѣнкахъ попадаетъ до 60 штукъ негодныхъ. Но мы, по примѣру другихъ торговцевъ, какъ получимъ съ кого-нибудь какую цифру тѣнковъ, посылаемъ къ мѣняламъ, которыхъ въ Бухарѣ множество; мѣняла переберетъ всѣ деньги, которыя я получилъ, фальшивыя выберетъ, и мы посылаемъ ихъ обратно тому лицу, отъ котораго получили, и онъ безъ всякаго спора мѣняетъ. Такъ дѣлали со всякимъ, отъ котораго получали деньги, а мѣняламъ за труды давали самую ничтожную плату.

Наконецъ товаръ распроданъ почти весь, и денегъ осталась небольшая часть. Наступаетъ Май мѣсяцъ; надо подумывать о товарѣ, за которымъ я пріѣхалъ, о шелковичныхъ коконахъ. Этотъ товаръ продается въ Бухарѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ теченіе 15 дней на всѣхъ базарахъ: какъ у насъ въ Россіи по селамъ бываютъ базары, такъ и въ Бухарѣ. Шелковичные коконы начинаютъ покупать съ трехъ часовъ утра до 7 час. и дальше. Если Бухарецъ привезъ двѣ корзинки на своемъ ишакѣ, т.-е. ослѣ, онъ продаетъ чириками (чирикъ 5 фунтовъ); если у него товару пудъ, онъ вдругъ не вѣситъ, а вѣситъ по чиріку, т.-е. по 5 фунтовъ; вмѣсто гири вывѣшенъ камень. Вѣситъ вѣсовщикъ, который и покупаетъ хотя бы для меня, хозяина, а я только смотрю и расплачиваюсь. Можетъ быть, теперь, когда наплывъ Русскихъ въ Бухару большой, вѣшаютъ и гириями. По указанію моего квартирнаго хозяина, я нанялъ четырехъ Бухарцевъ для покупки сырыхъ коконовъ на четырехъ базарахъ, а въ столицѣ Бухарѣ у меня покупалъ свой подручный молодецъ. Изъ всѣхъ базаровъ я получалъ коконы къ 12 часамъ пополудни, только изъ Бухары-столицы часомъ позже. Коконъ я получалъ отъ каждаго Бухарца съ вѣсу, только не чириками (5 фун.), а гириями 2-хъ пудовыми и мельче; 100 чириковъ, т.-е. 500 фунтовъ, вѣшали въ одинъ или два раза; а не дорого ли покупали наемные Бухарцы, я соображался съ покупкою своего молодца. Послѣ пріемки всѣ

коконы разсыпаются по усыпанному пескомъ двору, такъ чтобы ни одинъ коконъ не лежалъ на другомъ; для этого у меня нанято было около 20 человекъ Татаръ. Въ Бухарѣ во всѣхъ торговыхъ караванъ-сараяхъ упаковкою товаровъ занимаются преимущественно Татары; всѣ они бѣглецы изъ Россіи, нѣкоторые изъ Сибири, а большая часть бѣжавшіе отъ солдатства. Вотъ эти-то Татары и у меня занимались сушкою коконовъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ Русскій, бѣжавшій изъ Сибири и принявшій Магометанскую вѣру, какъ передавали мнѣ его товарищи; но онъ называлъ себя природнымъ Татаринномъ. Съ своей стороны и я призналъ его Русскимъ, потому что онъ уже очень хорошо ставилъ у меня на таяхъ литеры по-русски. Впрочемъ, эти господа, бѣглецы изъ Сибири, можетъ быть, и каторжники, живутъ въ Бухарѣ смирно, такъ какъ тамъ и за воровство отрѣзываютъ головы; можетъ быть, въ настоящее время подъ влияніемъ Русскихъ властей такая казнь за воровство оставлена. Пока мы приготовлялись покупать коконы, мнѣ нужно было отправить послѣдній хлопокъ, который былъ уже купленъ для Нижегородской ярмарки, собственно для багюшки-тестя. Хлопку было около 400 пудовъ, но ему пришлось прокатиться 800 верстъ совершенно даромъ: во время нашего ареста его воротили за 400 верстъ, а между тѣмъ деньги за провозъ до Бухары были отданы Киргизамъ-возчикамъ впередъ (Киргизы-возчики всегда деньги получаютъ впередъ). Вотъ на таяхъ этого самаго хлопка и писалъ литеры вышеозначенный рабочій христіанинъ, бѣжавшій изъ Сибири и принявшій Магометанскую вѣру. Тамъ найдутся и другіе. Ко мнѣ приходилъ еще одинъ, тоже принявшій Магометанскую вѣру, и желалъ со мной познакомиться. Этотъ прямо называлъ себя Русскимъ политическимъ преступникомъ, бѣжавшимъ изъ Сибири; въ Бухарѣ онъ занимался лѣченіемъ и былъ странствующимъ докторомъ, но я отклонилъ знакомство съ нимъ и попросилъ его ко мнѣ не являться, не смотря на то, что мнѣ былъ нуженъ хороший докторъ. Когда я отправлялъ первый хлопокъ въ первыхъ числахъ Апрѣля, я въ сорочкѣ писалъ на таяхъ литеры, и незамѣтно для меня мнѣ солнцемъ обожгло обѣ руки отъ ладони почти до локтя; у меня сдѣлался мучительный зудъ, такъ что не было возможности терпѣть, а лѣкаря-Бухарца въ мѣстечкѣ Пермязъ найти трудно.

Правда, мой квартирный хозяинъ указалъ мнѣ одного доктора-Жида, который ѣздилъ по базарамъ торговать мелочнымъ товаромъ, а также занимался и лѣченіемъ, какъ въ Россіи знахари; впрочемъ, я былъ радъ и такому доктору. День уже клонился къ вечеру, когда хозяинъ представилъ мнѣ сказаннаго доктора. Я показалъ ему свою болѣзнь. Онъ велѣлъ мнѣ взять курительнаго желтаго Бухарскаго табаку листами

означенную имъ порцію и сейчасъ же при немъ положить его въ холодную воду. Хозяинъ принесъ мнѣ полоскательную чашку, и въ нее самъ Еврей положилъ порцію табаку. Ночь спалась мнѣ плохо: зудъ замучилъ, только передъ утромъ немного заснулъ. Когда проснулся, я первымъ долгомъ спросилъ о лѣкарѣ и лѣкарствѣ. Явился и лѣкаръ съ чашкой настоящаго табаку, вода отъ табаку сдѣлалась много чернѣе чаю, какой мы пьемъ. Я спрашиваю Еврея, что мнѣ теперь дѣлать. «Надо пить», говоритъ онъ. Я спрашиваю: «Во сколько разъ?»—«Да хоть въ три утра», отвѣчаетъ Еврей; «а если сразу, еще лучше». И я благословясь, чтобы скорѣе унялась моя боль, сразу выпилъ всю чашку. Отъ этого лѣкарства такъ меня ошеломило, что я минутъ десять пролежалъ на полу. Вставши съ полу, я расплатился за лѣкарства и лѣчение съ Евреемъ, въ надеждѣ на скорое выздоровленіе. Дни проходятъ, а зудъ не унимается; хотя я и думалъ, что отъ этого лѣкарства толку не будетъ, но зудъ мой заставлялъ меня всему вѣрять. Послѣ этого въ одну ночь мнѣ страшно хотѣлось спать, такъ какъ я уже не спалъ нѣсколько ночей, но зудъ не давалъ уснуть. Я почерпнулъ холодной воды и полилъ ей на обѣ руки, рукамъ стало лучше, я еще разъ облилъ, и уснулъ такъ хорошо, какъ давно не спалъ; и холодной водой я вылѣчилъ руки совсѣмъ, и по сіе время, если гдѣ зудить тѣло, лѣчу водой. Я называю Еврея «Жидъ», а Бухарцы ихъ называютъ «Жудъ». Они живутъ въ Бухарѣ въ стѣснительномъ положеніи. Ни одинъ Еврей или Жидъ не можетъ по городу Бухарѣ проѣхать верхомъ на лошади; онъ долженъ городомъ вести ее въ поводу, а выйдя за городъ, можетъ ѣхать куда угодно. Верхней одежды Жудъ не можетъ надѣть никакой кромѣ бумажнаго халата, какъ богатый, такъ и бѣдный; на головѣ чернаго коленкора или другой черной гладкой бумажной матеріи шапка съ узенькимъ мерлушковымъ околышемъ. Бухарцы—любители водки, покупаютъ ее потихоньку у Евреевъ, не смотря на то, что Евреямъ строго воспрещено продавать водку Мусульманамъ, а самимъ Евреямъ дѣлать и пить водку не воспрещено.

Но вотъ уже наступило 15-е число Мая. Въ этотъ день мнѣ подвезли шелковичныхъ коконовъ съ четырехъ базаровъ, да изъ столицы, Бухары. 20 человекъ рабочихъ стали раскладывать ихъ по двору. Въ два часа пополудни коконы стали шевелиться, потому что солнце стало жечь червяка внутри кокона. Къ вечеру всѣ коконы собрали въ груды и покрыли кошмами или войлоками, чтобы червяки въ коконахъ совсѣмъ умерли. На другой день изъ грудъ перетаскали коконы на крыши дома, гдѣ они должны сушиться до 30 дней, чтобы въ червякѣ не оставалось ни капли крови; но если шелкъ разматывается на мѣстѣ

сушки, тогда сушатъ недолго, потому что коконы въ прессъ не пойдутъ. Такимъ образомъ покупка коконовъ и сушка ихъ продолжалась 45 дней.

Черезъ мѣсяцъ послѣ начала покупки коконовъ начали паковать прессомъ, внизу мѣшки изъ бязи, а сверху кошма или войлокъ; вся работа съ покупкой, сушкой и упаковкой продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Товарища своего Татарина-ментора я, по инструкціи батюшки-тестя, послалъ для покупки коконовъ на 10 тысячъ въ Хиву. Деньги въ Хиву, по той же инструкціи, я перевелъ на одного знакомаго тестю Хивинца, подъ присмотромъ котораго и покупалъ Татаринъ коконы въ Хивѣ и, благодаря этой поѣздкѣ въ Хиву, Татаринъ избѣжалъ ареста.

Наконецъ товаръ весь перепакowali и литеры поставили. Извозчиковъ нанялъ до Казалинска. Пора и въ Оренбургъ отправляться.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ на ишагъ 2-й № Онуфріева, приказчикъ-Шкилинъ; квартира ихняя отъ моей была за версту. Услыхавъ, что я советамъ готовъ къ отъѣзду, онъ пріѣхалъ со мной проститься и сталъ звать къ себѣ. Я на прощанье купилъ водочки (бутылку за 1 р.) у того самаго Жида, который лѣчилъ меня отъ зуды, и отправился со Шкилинымъ: я—пѣшкомъ, а онъ на ишагѣ. Мнѣ было весело, что я отправляюсь въ Россію. На половинѣ дороги насъ нагоняетъ мой квартирный хозяинъ; онъ отвелъ меня отъ моего товарища и говоритъ мнѣ: «Николай, сію минуту пріѣхалъ изъ Оренбурга чапаръ (т.-е. курьеръ), онъ поилъ у меня передъ дворомъ лошадей». Надо замѣтить, что по степи на большое разстояніе, а особенно безводными песками, и одинъ всегда ѣдетъ на двухъ лошадяхъ: одна для провизіи и воды, а другая подъ собой. «Чапаръ», говоритъ мой хозяинъ, «посланъ изъ Оренбурга однимъ Бухарскимъ купцомъ тайнымъ образомъ, чтобы передать Бухарскому правительству, что Бухарцы, начиная съ Ташкента, во всѣхъ фортахъ, гдѣ находятся Русскія войска, и въ Оренбургѣ, задержаны. Смотри, Николай, не было бы худо и вамъ». Я ему отвѣчалъ: «Мы не виноваты, что въ Россіи задержали вашихъ Бухарцевъ. Ну, что будетъ, а мы теперь пойдемъ да водочки попьемъ».

У Шкилина или Онуфріевыхъ я пробылъ почти до вечера; попили немного да и поѣли мало, потому что въ Бухарѣ въ Іюль мѣсяцѣ страшная жара, и ни на какое кушанье нѣтъ аппетита, только и пьешь одинъ чай, отъ него дѣлается какъ-то легче. () чапаръ говорили мало,

точно до насъ это и не касается. День въ Бухарѣ жарокъ, за то ночь довольно прохладна, и какъ-то хорошо спится. Придя изъ гостей, я легъ спать и скоро заснулъ. Поутру меня разбудилъ страшный сонъ. Мнѣ грезилось, будто я зашелъ въ какой-то огромный старый деревянный сарай; вдругъ крыша и стѣны его стали рушиться точно отъ землетрясенія. Я упалъ на колѣни, закрылъ лицо руками и думалъ, что-то со мной будетъ? Когда я отнялъ руки, то увидѣлъ, что крыша уже очистилась и надо мной синѣло ясное небо. Съ этимъ я проснулся и вижу,—у моей кровати стоятъ три Бухарца: одинъ квартирный хозяинъ, а двое мнѣ незнакомыхъ. Хозяинъ началъ мнѣ говорить, что эти два Бухарца присланы ко мнѣ отъ токсабы съ письмомъ; «вотъ они тебѣ прочитаютъ». Одинъ Бухарецъ началъ читать письмо: «Кара Николаю, т.-е. Николаю Черному, отъ токсабы хать (письмо). Я слышалъ, что ты собираешься ѣхать въ Россію, и прислалъ за тобой двухъ Бухарцевъ, съ которыми ты и пріѣзжай въ шаръ, т.-е. городъ-Бухару. Такъ какъ ты по пріѣздѣ въ Бухару привезъ мнѣ подарокъ отъ Оренбургскаго генераль-губернатора, то и я съ тобой хочу послать тоже подарокъ генераль-губернатору». Я спросилъ Бухарцевъ: «Когда же мнѣ нужно ѣхать?»—«Сейчасъ поѣдемъ съ нами».

«Какъ же», говорю я, «нужно хоть чаю напиться»; но они отвѣчали, что надо ѣхать сейчасъ: такъ приказано. Я, ничего не подозрѣвая, приказалъ осѣдлатъ лошадь, которая и была скоро готова. «Надобно», говорятъ Бухарцы: «вамъ взять и своего служащаго».—«Къ чему это?» закричалъ я. Мой квартирный хозяинъ пошепталъ что-то Бухарцамъ, и они моего молодца не потревожили.

Наконецъ мы выѣхали изъ моей квартиры. Проѣхавши около 20-ти сажень, Бухарцы поворотили налѣво въ Пермязъ, гдѣ я былъ вчера въ гостяхъ, а дорога въ столицу-Бухару осталась вправо. Я спросилъ Бухарцевъ, почему они ѣдутъ не по той дорогѣ. Они отвѣчали, что имъ надо заѣхать еще въ одно мѣсто.

Они прямо по знакомому мнѣ пути подѣхали къ тому дому, гдѣ жилъ Шкилинъ и прочіе. Молодцы еще спали; ихъ было четыре человѣка, а двое уѣхали въ столицу-Бухару. Бухарцы безъ церемоніи стали ихъ будить и настоятельно приказывали собраться и ѣхать съ ними. Тутъ-то я и всѣ мы догадались, что весь этотъ переполохъ сдѣлалъ чапаръ. Съ квартиры Шкилина насъ выѣхало пять Русскихъ и два Бухарца; но чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ больше присоединялось къ намъ Бухарцевъ, такъ что когда мы стали подѣзжать къ Бухарской столицѣ, насъ уже окружала военная стража съ ружьями и саб-

лями. Въѣзжаемъ въ Бухару, множество народу смотрѣло на насъ съ крышъ и разсуждали про себя о томъ, что теперь сдѣлаютъ съ Русскими. Наконецъ насъ доставили во дворъ эмира, гдѣ у него находятся лошади. Когда мы въѣхали во дворъ, насъ попросили слѣзть съ лошадей, которыхъ отобрали со всей сбруей, а намъ приказали слѣдовать за собой и привели въ этомъ же дворѣ къ одному дому. Въ этомъ домѣ было двѣ комнаты: одна большая, въ которую со двора вели двѣ двери, другая маленькая, со двора въ нее дверей нѣтъ, а входъ изъ большой комнаты. Въ комнатахъ кромѣ стѣнъ и старой кошмы на полу ничего нѣтъ. Въ этихъ-то хороммахъ насъ и помѣстили и приказали быть тутъ; для услугъ намъ дали Персіянина. Мы сейчасъ же распорядились послать Персіянина купить чаю, сахару, лепешекъ и разныхъ фруктовъ, которыхъ тамъ очень много. Да, вмѣсто посылки къ генераль-губернатору, о которой писалъ въ письмѣ токсаба, насъ посадили въ какую-то ловушку. Мы разсуждали между собой, что съ нами еще будутъ дѣлать.

Приближается ночь, а намъ положить въ головы и постлатъ подъ себя нечего, кромѣ одежды, въ которой мы пріѣхали. На ночь двери нашей ловушки снаружи заперли и приставили часовыхъ. Первую ночь мы кое-какъ проспали, хотя спать было и неудобно. На другой день поутру къ намъ привезли трехъ компаніоновъ: двухъ приказчиковъ Онуфріевыхъ и моего подручнаго молодца Владимира Кайдалова. Они намъ привезли спальныя и чайныя принадлежности. Сидѣть такъ и ждать, что будетъ съ нами дальше, намъ показалось скучно, и мы рѣшили играть въ карты.

Къ счастью, нашлась колода картъ; правда, знаки на картахъ едва были видны, но одинъ изъ насъ начертилъ ихъ карандашомъ. Игру избрали мы «въ носки»: кто сколько проиграетъ, расплачивается носомъ, получая, сколько слѣдуетъ ударовъ по носу тремя картами. Эта игра насъ развеселила, и мы много смѣялись. На третій день пришли каменщики и начали закладывать одну дверь у нашей ловушки; мы подумали: не хотятъ ли насъ уморить голодной смертью? Ну, что будетъ, воля Божія! Впрочемъ, въ компаніи какъ-то весело. Дверь нашей ловушки до половины была уже заложена; но, должно быть, Бухарцы одумались, что дѣлаютъ что-то неладное: черезъ нѣсколько дней пришли тѣже каменщики, разобрали закладку, убрали кирпичъ и оставили дверь свободной по старому.

Мы стали попристальнѣе разсматривать нашу комнату. Стѣны были вымазаны глиной. На одной стѣнѣ мы замѣтили 7 строчекъ черточекъ,

каждая строка имѣла 30 или 31 черточку, и мы узнали отъ Персіянина, который былъ къ намъ приставленъ для покупки провизіи, что годъ тому назадъ въ этой самой ловушкѣ были заключены три Итальянца, которые пріѣзжали сюда купить шелковичныхъ сѣмянъ, но ихъ почему-то сочли за шпионовъ (Бухарцы въ каждомъ Европейцѣ подозреваютъ шпиона). Семь строкъ черточекъ на стѣнѣ означаютъ, что они сидѣли подъ арестомъ около 7 мѣсяцевъ; потомъ уже ихъ и отпустили, увѣрившись, что они не шпионы.

Однажды приходитъ къ намъ Персіянинъ веселый. Мы спрашиваемъ его, почему онъ веселъ. «Мы всѣ веселы», говоритъ онъ: «чапаръ пришелъ, привезъ извѣстіе, что вода идетъ изъ Самарканда, и завтра будутъ наполняться всѣ либегаузы», т. е. пруды, со ступенями изъ какого камня до самаго дна. Эти-то пруды и наполняютъ водой, посланной изъ Самарканда; на протяженіи 280 верстъ отъ Самарканда до Бухары вода эта поитъ все посѣянное и посаженное на пути; этой же водой питаются и жители Бухары. Кто пьетъ эту воду некипяченою, у того образуются въ тѣлѣ рышты или волосатики, почти въ спичку толщиной, аршинъ и болѣе длиной. Насъ Русскихъ было восемь человекъ и одинъ я избавился отъ рышты, потому что во все время моего пребыванія въ столицѣ не пилъ холодной воды изъ прудовъ, а пилъ всегда горячій или простывшій чай. У одного изъ нашихъ вытащили 30 штукъ рыштовъ; если бы онъ, или кто другой, имѣющій рышты, пріѣхалъ въ Россію, то бы сгнилъ, но въ Бухарѣ на эту болѣзнь есть много свѣдущихъ знахарей; въ наше время найти на тѣлѣ и вытащить знахарь бралъ по тѣнкѣ (25 коп. сер.) за каждую рышту.

Мы хотя не мѣтили на стѣнѣ дней, сколько прожили, но по нашему счету мы находились въ этой ловушкѣ 16 дней. На 17-й день пришелъ къ намъ Бухарецъ, вѣроятно, чиновникъ, приказалъ намъ взять свои вещи и слѣдовать за нимъ, объявивъ, что мы переводимся въ такой-то караванъ-сарай. Мы весьма обрадовались этой переменѣ. Пройдя дворъ, у самыхъ воротъ, мы нашли осѣдланныхъ нашихъ лошадей. Мы поблагодарили Персіянина, который покупалъ намъ провизію, и дали ему нѣсколько тѣнговъ за его честность; потомъ сѣли на своихъ лошадей. Нѣкоторые Бухарцы закричали на насъ: «тушь, тушь», т. е. слѣзайте съ лошади; по ихнему, такъ какъ мы арестанты, должны городомъ лошадей вести въ поводу, какъ Евреи, но мы на ихній крикъ не обратили вниманія. Чиновникъ доставилъ насъ въ назначенный караванъ-сарай и сдалъ насъ подъ охрану сараймана, хозяина караванъ-сарая.

Лошадямъ нашимъ дали мѣсто, а намъ отвели помѣщеніе во второмъ этажѣ. Мнѣ дана маленькая хажура, сажени три въ квадратъ,

такъ какъ насъ двое, а Онуфриевымъ молодцамъ вдвое болѣе помѣщеніе, потому что ихъ шесть человѣкъ. Хажура, какъ и наша первая ловушка, была выштукатуренная или вымазанная глиной внутри и снаружи, двери рѣшетчатая, вмѣсто стеколъ заклеены масляной бумагой, только бумагу эту нерѣдко прорываютъ кошки. Если у кого на ночь остается что-нибудь съѣстное, то кошка уже непременно побирается, прорветъ въ дверяхъ бумагу и похититъ все, что у васъ есть съѣдобнаго. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются торговцы-Бухарцы, между ними есть значительные капиталисты, а вверху съ нами въ такихъ же хажурахъ помѣщались Бухарскіе скорняки. Когда насъ арестовали, въ тотъ же день отъ Бухарскаго правительства посланъ былъ чапаръ къ эмиру съ докладомъ объ арестѣ Русскихъ и о томъ, куда насъ помѣстили. Эмиръ былъ въ это время въ Самаркандѣ, второй столицѣ Бухары; вотъ эмиръ и распорядился, чтобы насъ перевели въ караванъ-сарай. Намъ позволяли свободно гулять только по двору, а за ворота выходить мы не могли (въ воротахъ всегда находилась стража). Но мы и этому помѣщенію были очень рады: мы все-таки могли изрѣдка разговаривать съ торгующими Бухарцами. Много разговаривать съ нами они остерегались, а Евреи даже совсѣмъ перестали ходить въ этотъ караванъ-сарай. Евреямъ и въ Бухарѣ мало вѣрятъ. Боже сохрани, если бы какой-нибудь Еврей вздумалъ посѣтить Русскихъ, хотя бы и по торговому дѣлу, ему бы не сдобровать ножа. Если намъ что-нибудь требовалось или было нужно что-нибудь купить изъ провизіи, намъ приказано было обращаться къ служащимъ при караванъ-сарай, которыхъ находилось при немъ около десяти человѣкъ; но воспрещено было носить къ намъ провизію и прочіе товары вольнымъ торговцамъ; а позволено только Бухарцамъ, у которыхъ мы и покупали что намъ требовалось. Большею частью мы питались курицами, употребляя ихъ въ пловъ; готовить пловъ мой подручный Кайдаловъ былъ великій мастеръ; курицы же здѣсь крупныя-кохлихинки и не дороги.

Вскорѣ послѣ нашего переселенія изъ ловушки въ караванъ-сарай приходитъ ко мнѣ Бухарецъ, квартирный хозяинъ, у котораго въ домѣ остались купленные мною и упакованные коконы, и предлагаетъ продать ихъ, такъ какъ нашлись на нихъ покупатели и дадутъ настоящую цѣну. Какъ же я продамъ коконы, когда посланъ въ Бухару для покупки ихъ! Бухарецъ объяснилъ мнѣ, что если коконы въ такой упаковкѣ пролежатъ зиму, то отъ нихъ останется одна пыль. «Въ такомъ случаѣ», спрашиваю я, «что нужно сдѣлать, чтобы сохранить коконы?»—«Если», говоритъ Бухарецъ: «продать ты не хочешь, то для сохраненія отъ снѣгу, дождя и моли нужно обшить тая въ лошадиныя

или коровьи шкуры, и товаръ будетъ сохраненъ». Я просилъ его, чтобы онъ распорядился купить кожь и ими обшить, какъ знаетъ, таи, и этой обшивкой сохранены были коконы.

Между тѣмъ время идетъ, намъ становится и скучно, и грустно; страшная жара, пыль и неизвѣстность, чтò съ нами будетъ, все это насъ тревожило, только во снѣ и забываешься: иногда грезится, будто въ Ростовѣ находишься или въ Оренбургѣ съ родными; а какъ проснешься, такъ мурашки и поползутъ по сердцу—арестантъ въ Бухарѣ! Отъ жары сверху одѣтъ кожей и постлана кожа. Поутру встанешь, помолнишься Богу и, соединясь съ Онуфріевскими молодцами, примешься за чай, и станетъ какъ будто повеселѣе.

Одинъ изъ Онуфріевскихъ молодцовъ, а именно Шкилинъ № 2-й, сдѣлалъ какъ-то намъ предложеніе. «Чѣмъ намъ», говоритъ: «скучать, давайте составимте компанію дѣлать изъ винограда водку, съ водочкой-то намъ все будетъ повеселѣе». Но мы всё отклонили его предложеніе, говоря, что и безъ этой затѣи Бухарцы смотрятъ на насъ неприязненно. «Ну, такъ чортъ съ вами», сказалъ онъ: «я буду дѣлать водку одинъ и пить буду одинъ, а вамъ дамъ только понюхать». Шкилинъ сдержалъ свое слово, началъ дѣлать самъ препараты для гонки водки: надѣлалъ изъ жести трубочекъ, и самъ спаялъ, только холодникъ у него никакъ не задавался. Тогда онъ вырѣзалъ изъ картона форму холодника и склеилъ такъ, что трубочки входили въ холодникъ, и отдалъ эту модель служащему Бухарцу, чтобы онъ сходилъ къ хорошему слесарю и заказалъ такую штуку изъ жести, говоря, что она нужна ему для лѣкарства. Виноградъ онъ сквашивалъ въ боченкѣ въ $\frac{1}{4}$ ведра, сквашенный виноградъ кипятилъ въ мѣдномъ чайникѣ, у котораго крышку замазывалъ, а сверху крышки провернулъ дырочку для трубочки: вотъ и весь препаратъ. Этимъ рукодѣльемъ онъ занимался ночью, чтобы изъ Бухарцевъ никто не видалъ, и своимъ искусствомъ достигъ, что у него изъ винограда водка доходила до 40 градусовъ. И слово свое онъ держалъ: даже главному своему приказчику, когда мы обѣдаемъ, дастъ только понюхать водочки, а выпьетъ самъ. Мы всё съ завистью смотрѣли, какъ Шкилинъ попиваетъ. Впрочемъ, и для насъ онъ былъ снисходителенъ: если кто изъ насъ былъ именинникъ, то на этотъ день заранѣе просилъ изготовить бутылки три водки, съ платою по 1 рублю за бутылку. Впрочемъ такая скупость въ водкѣ со стороны Шкилина не отъ него зависѣла, а отъ $\frac{1}{4}$ ведернаго боченка: будь боченокъ ведерный, мы всё бы попивали водочку самую дешовую, но такой боченокъ въ Бухарѣ найти трудно.

Отъ скуки мы занимались тѣмъ, кто что умѣлъ дѣлать: нѣкоторые шили себѣ изъ Бухарской матеріи платья, нѣкоторые стегали одѣяла, а Шкилинъ придумалъ для развлечения надѣлать скрипокъ и сдѣлать три скрипки съ помощью одного перочиннаго ножа, изъ бараньихъ кишекъ надѣлалъ струнъ, а изъ конскихъ волосъ смычковъ. Матеріалу купить было можно; только, къ несчастью, ни одного изъ насъ не было музыканта, который могъ бы играть на скрипкѣ. Мы любовались также на муравьевъ, которые здѣсь на галереѣ въ кирпичномъ полу устроили себѣ гнѣздо. Здѣшніе муравьи много крупнѣе нашихъ лѣсныхъ и у нихъ кверху торчатъ красненькіе хвостики. Муравьи нерѣдко посѣщали мой мѣшокъ съ ячменемъ, который у меня имѣлся для лошади: на мѣшкѣ была небольшая дырочка, изъ которой, когда я бралъ ячмень, понемногу сыпалось. Муравьи послѣ каждаго раза, когда я бралъ ячмень для лошади, приползали партіей къ мѣшку, и каждый муравей уносилъ по зерну въ свое жилище; иногда штукъ до 30 и болѣе приползаютъ, каждый тащить зерно и караваномъ идутъ другъ за дружкой. Меня это интересовало, и я не зашивалъ дырочку на мѣшкѣ.

Между тѣмъ стали появляться и Бухарцы, хозяева изъ Оренбурга, и посѣщали Онуфриевыхъ приказчиковъ, какъ Оренбургскихъ знакомыхъ. Тѣ спрашиваютъ: «Какъ же васъ отпустили, а мы томимся здѣсь?»—«И насъ», говорятъ Бухарцы, «не отпускали; но мы, у кого слѣдуетъ, просили, чтобы они уволили нѣсколько человекъ нашихъ служащихъ для передачи нашимъ семействамъ, что мы задержаны въ Оренбургѣ; но только вмѣсто служащихъ отправились сами хозяева, а служащіе вмѣсто хозяевъ остались въ Оренбургѣ». Къ чему-то избраны были у торгующихъ съ Бухарцами изъ купцовъ три попечителя, а именно: Дюковъ, Быковский и Ключаревъ. Равно и товары изъ Оренбурга чрезъ Хиву отправляли Бухарцы свободно; лучший товаръ весь былъ вывезенъ, оставался только дешевый; а нашъ товаръ, который мы отправили изъ Бухары, за 400 верстъ воротили. Бухарцы строго исполняли приказаніе высшаго начальства. Наши довѣрители мало беспокоились о своихъ служащихъ, а у нихъ болѣло сердце только о товарѣ и убыткѣ; если и убьютъ котораго изъ насъ, то они скажутъ только: «Царство небесное, жалко бѣдныхъ». Такъ и случилось съ однимъ моимъ землякомъ, Ростовскаго уѣзда, Борисоглѣбской слободы, Михаиломъ Ивановичемъ Чудыловымъ. Когда мы отправляли воровчанный Бухарцами товаръ, то впередъ послали Киргиза съ письмами, чтобъ увѣдомить своихъ довѣрителей, что такого-то мѣсяца и числа отправленъ товаръ и въ такое-то время онъ долженъ быть въ Орен-

бургѣ. Время это пришло, а товара нѣтъ. Они ждутъ недѣлю, двѣ и мѣсяцъ, а товара все нѣтъ. Довѣрители наши, Онуфріевъ солдатъ и С. Я. Ключаревъ наняли вышеупомянутаго Чудинова разыскать товаръ, снабдивъ его на случай деньгами. Чудинову хорошо была извѣстна вся За-сырь-Дарьинская степь, и онъ отправился съ проводникомъ Киргизцемъ. Разыскать товаръ Чудиновъ, конечно, не могъ, потому что онъ находился въ Бухарѣ, а голову свою потерявъ въ степи: ему ее отрубили, и неизвѣстно кто; виновника такъ и не нашли, да никому, кажется, не было надобности и хлопотать. Какое семейство осталось у Чудинова, мнѣ неизвѣстно: но знаю, что у него была дочь—невѣста. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я находился уже въ Ростовѣ, сыну Ключарева А. С. (такъ какъ самъ Ключаревъ лежалъ въ параличѣ) вадумалось наградить дочь Чудинова 200 рублями. И онъ, А. С. Ключаревъ, писалъ мнѣ, чтобы я увѣдомилъ его, когда она будетъ выходить замужъ, и ей написалъ, чтобы тоже увѣдомила. Но вотъ судьба: отецъ, самъ Ключаревъ, умеръ и сынъ умеръ, а дочь Чудинова замужъ не вышла. Наконецъ Богъ далъ ей жениха. Она обратилась съ письмомъ къ сыну А. С., которому послала и отцовское письмо для удостовѣренія, но вмѣсто денегъ получила обѣщаніе уже отъ внука, что онъ постарается выслать деньги и не допустить отца своего лежать въ могилѣ въ долгу. Но вотъ и внукъ, молодой человекъ лѣтъ 22-хъ, умираетъ, и оба съ отцомъ почли въ долгу. Вотъ какая награда за отрубленную голову своего служащаго, и это отъ сотенъ тысячъ! Я отступилъ нѣсколько отъ главнаго предмета своего разсказа, но это тоже прикосновенно къ моему воспоминанію о Бухарѣ.

Между тѣмъ дѣло нашего освобожденія впередъ не подвигается. Мы спрашиваемъ Бухарцевъ, которые пріѣхали изъ Оренбурга: «Вотъ васъ отпустили, а насъ для чего держать?»—«Мы», говоритъ, «освободились подъ видомъ мазаекъ, т. е. служащихъ». «Такъ когда же насъ освободятъ, есть ли какой слухъ?»—«Худой блядоръ», т. е. Богъ знаетъ.

Немало приходило Бухарцевъ (которые мало видали Русскихъ) по крышамъ посмотреть на насъ, какъ на дикихъ звѣрей. Въ Бухарѣ по крышамъ ходить даже сторожевая полиція, и собакъ, кто имѣетъ, держать на крышахъ; по крышамъ можно пройти всю столицу.

Однажды приходитъ ко мнѣ квартирный хозяинъ, у котораго хранился мой товаръ, и говоритъ, что Киргизецъ несъ мнѣ какое-то письмо, но его здѣсь въ воротахъ арестовали. Я сказалъ ему, что никакого письма мнѣ не подавали; да и письмо, быть можетъ, было не

мнѣ. Прошло около трехъ недѣль; тоже въ воротахъ стража задержала Киргизца съ письмомъ ко мнѣ же, какъ передатчика Русскихъ писемъ. Но часа черезъ два приходитъ ко мнѣ Киргизецъ съ Бухарцемъ и подаютъ мнѣ письмо отъ довѣрителя моего С. А. Ключарева. Бухарецъ спрашиваетъ меня: «Это письмо вамъ?» Я сказалъ, что мнѣ. «Получите его», и оба удалились. И что же выяснилось? Три недѣли тому назадъ былъ задержанъ съ письмомъ ко мнѣ этотъ же самый Киргизъ, который эти три недѣли находился подъ арестомъ, а письмо мое было послано въ Самаркандъ за 280 верстъ съ курьеромъ къ самому эмиру. Эмиръ, прочитавъ мое письмо черезъ переводчиковъ, ничего въ немъ не нашелъ кромѣ торговыхъ дѣлъ и приказалъ отдать его, кому оно адресовано. Вотъ сколько хлопотъ Бухарскимъ властямъ надѣлало это ничтожное письмо.

Въ другой разъ я получилъ письмо, которое послано было изъ Оренбурга съ Афганцемъ; тотъ сдѣлалъ много аккуратнѣе Киргизца. Афганцы торгуютъ въ Бухарѣ Англійскими товарами, и входъ имъ нигде не воспрещенъ. Афганецъ былъ мнѣ вовсе незнакомъ, но, вѣроятно, разспросилъ тѣхъ же Бухарцевъ, торгующихъ въ караванъ-сараѣ, котораго изъ насъ какъ зовутъ. Мы жили во второмъ этажѣ, но мнѣ понадобилось сойти внизъ дать лошади корму и напоить ее. На половинѣ лѣстницы встрѣтился со мною Афганецъ и, не говоря ни слова, положилъ мнѣ письмо въ руку, а самъ прошелъ на верхъ. Въ этомъ письмѣ было письмо и изъ Ростова, а получить вѣсточку отъ своей семьи мнѣ было всего дороже.

Но вотъ разнесся слухъ, что эмиръ возвратился изъ Самарканда и готовится къ войнѣ съ Русскими. Вскорѣ этотъ слухъ подтвердился на дѣлѣ: въ нашъ караванъ-сарай стали являться новыя лица; то Туркмены, вооруженные саблями, то Бухарцы въ шелковыхъ халатахъ, вооруженные кривыми саблями и черными питами съ мѣдными украшениями. Мы только посматриваемъ и разсуждаемъ между собой, что если начнется война, то съ нами будетъ какая-нибудь переменна, а о свободѣ нечего и думать. Даже нашихъ лошадей хотѣли взять для арміи, а мою лошадь, большую гнѣдую, назначили подъ артиллерію, но эмиръ запретилъ брать лошадей у Русскихъ.

Однажды, изъ числа служащихъ десяти человекъ въ караванъ-сараѣ, пришелъ къ намъ на верхъ молодой парень съ ружьемъ, у котораго курокъ съ фитилемъ, и къ ружью привязана рогатка. Когда Бухарцы стрѣляютъ, то ружье кладутъ на рогатку. Вѣроятно, этого служащаго назначили въ милицію. Онъ у насъ на галереѣ разставилъ

свою рогатку, положилъ ружье и началъ цѣлиться. Я спросилъ его: «Стрѣлять учишься что ли?» Но онъ мнѣ отвѣтилъ, что давно умѣетъ. Я ему и говорю: «Съ этимъ ружьемъ и твоимъ умѣньемъ трудно тебѣ будетъ справиться съ нашими солдатами».—«О, говоритъ онъ, ты не знаешь, что я съ ними сдѣлаю; не хочешь ли и ты побороться со мною?» Хотя онъ былъ моложе меня и почти на голову выше, но мнѣ, какъ Русскому человѣку, было стыдно и позорно отказаться отъ борьбы съ Бухарцемъ, и я принялъ его вызовъ. Когда мы схватились бороться, Бухарцы, торгующіе внизу въ лавкахъ, выступили на средину караванъ-сарая смотрѣть на насъ. Я нѣсколько специалистъ въ борьбѣ и борюсь черезъ бедро. Бухарецъ, схватившись со мной, такъ и пляшетъ около меня; но я улучилъ время, когда онъ отъ своей горячности утомился; сразу хватилъ его черезъ бедро, и Бухарецъ лежалъ уже на полу галереи. Когда онъ сошелъ внизъ, Бухарцы стали надъ нимъ смѣяться, что такой парень не могъ побороть тощаго Русскаго; но онъ сказалъ, что я пьянъ, а у пьянаго силы больше.

Такая же исторія случилась съ Онуфріевскимъ рабочимъ, когда онъ сушилъ хлопокъ въ Пермязи, гдѣ у насъ находились товары, за 35 верстъ отъ Бухары. Одинъ Бухарецъ, извѣстный среди своихъ за лучшаго наѣздника и борца, привязался къ рабочему Степану: поборемся, да поборемся. Степанъ отказывался, что не хочетъ бороться, но Бухарскій богатырь не отвязывался, и Степанъ вынужденъ былъ схватиться. Оно былъ простой мужикъ, выше средняго роста, широкоплечій, около 40 лѣтъ, бороться не умѣлъ, но имѣлъ хорошую силу, благодаря которой и одолѣлъ Бухарца. Этому Бухарцу было стыдно, что среди своихъ онъ слылъ богатыремъ, а Русскій его одолѣлъ.

Итакъ, Русскіе арестанты какъ бы положили начало побѣдъ Русскихъ надъ Бухарцами. Но вотъ дошелъ до насъ слухъ отъ Бухарскихъ торговцевъ, что Бухарскія войска выступаютъ сражаться съ Русскими, а вслѣдъ за ними выѣдетъ и самъ эмиръ. Прежде чѣмъ начать войну, эмиръ разсудилъ послать пословъ къ г. Черняеву въ Ташкентъ и захватить одного изъ насъ Русскихъ; назначили присоединить къ посламъ сары-Николая, т. е. Рыжаго Николая, главнаго приказчика Онуфріева, хотя тотъ и отказывался, что у него еще не кончены торговья дѣла, и указывалъ на меня, что я, Николай Черный, продажу и покупку закончилъ. Но Бухарцы на это ему сказали, что Николаю Черному они не вѣрятъ, а какъ ты давно намъ знакомъ, тебя и назначаемъ ѣхать съ послами. Меня Бухарцы считали за шпиона. Они хорошо знали, что моему батюшкѣ-тестю Ключареву было порученіе

отъ генералъ-губернатора Василія Алексѣевича Перовскаго разузнать кое-что въ пути о Ташкентѣ, когда онъ отправлялся торговать приказчикомъ Баранова и Зубова. Ключаревъ исполнилъ порученіе Перовскаго очень удачно и за это награжденъ золотою медалью. Бухарцы все это знали очень хорошо, а я, къ несчастію, зять Ключарева, и въ Бухарѣ слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ.

Послѣ отправились и взяли съ собой сары-Николая. Вскорѣ за послами отправился въ армію и самъ эмиръ. По пути онъ заѣхалъ на поклоненіе на могилу святого Богоуддина, котораго почитаютъ все Бухарцы, и каждую Среду множество народа ѣздитъ на поклоненіе этому святому. Бухарцы сказывали, что эмиръ ложился на могилу святого, прося, чтобы онъ даровалъ побѣду надъ Русскими.

Недолго пробыли послы въ Ташкентѣ. Съ ними возвратился и нашъ сары-Николай. Г. Черняевъ предлагалъ ему, если онъ желаетъ, остаться въ Ташкентѣ; но какъ у сары-Николая въ Бухарѣ на рукахъ хозяйскаго товару было болѣе чѣмъ на 150 тысячъ, то онъ остаться не согласился.

Послы должны были упросить г. Черняева уступить Ташкентъ Бухарцамъ безъ боя; въ противномъ случаѣ Бухарцы обѣщали воевать. Г. Черняевъ отдать безъ боя завоеванный имъ Ташкентъ не согласился. Онъ разспрашивалъ сары-Николая, много ли у Бухарцевъ арміи, такъ какъ послы ѣхали черезъ свою армію; но сары-Николай не могъ опредѣлить количество войска. Тогда г. Черняевъ спросилъ: «По крайней мѣрѣ, какое пространство занимаетъ Бухарская армія?» На это сары-Николай правильно сказалъ, на сколько верстъ по пути къ Ташкенту стоитъ Бухарская армія. «Да», сказалъ г. Черняевъ, «ихъ пожалуй, будетъ около 50 тысячъ». Русской арміи было не болѣе 2500 человекъ, въ томъ числѣ около 500 человекъ Киргизъ-джигитовъ; но г. Черняевъ положился на Бога, храбрость и неустрашимость Русскихъ воиновъ, и война началась.

Тотъ же самый сары-Николай, возвратившійся съ послами, разспрашивалъ знакомыхъ Бухарцевъ, которыхъ у него было много, какъ дерутся Бухарцы съ Русскими; но они отвѣчали какъ-то уклончиво. Я и сказалъ своимъ товарищамъ: «Развѣ Бухарцы скажутъ, если Русскіе ихъ бьютъ? А вы смотрите, вонъ сидитъ кружокъ торговцевъ по среднѣй караванъ-сарая и распиваютъ изъ одной чашечки зеленый чай. Смотрите на ихнія лица, какъ они небесело разсуждаютъ, вѣроятно, о войнѣ; значитъ, наша маленькая армія по-маленьку ихъ поколачиваетъ. Если бы они Русскихъ били, тогда лица ихнія были бы веселыя и на насъ, на гауровъ, стали бы смотрѣть съ злорадствомъ, стали бы подумывать, что сдѣлать съ нами; но какъ наши Русскіе бьютъ ихъ, они и здѣсь

смирнѣе». Но Боже сохрани, если бы Бухарцы побѣждали Русскихъ: тогда намъ не было бы никакой пощады. И то намъ прожужжали уши Бухарскіе мальчишки, бѣгавшіе по узкой улицѣ, своимъ крикомъ: «Когда будутъ рѣзать Русскихъ?» Хотя это говорили и ребята, но намъ слышать было весьма непріятно.

Но вотъ намъ вышло отъ вышшаго начальства разрѣшеніе, что мы можемъ уѣзжать изъ города на короткое время въ уѣздъ. Боже мой, какъ мы обрадовались, какъ хотѣлось подышать вольнымъ воздухомъ и увидѣть зелень, которой столько мѣсяцевъ не видѣли! Но и тутъ для меня явилась преграда. Всѣ Онуфріевскіе приказчики отправились къ своему товару, посмотрѣть, въ какомъ положеніи онъ находится. И я также собирался побывать къ своему товару (тѣмъ болѣе, что товаръ у меня цѣнный—шелковичные коконы) и взглянуть, какъ онъ упакованъ въ лошадиныя и коровьи шкуры. Но вотъ бѣда: всѣ Русскіе могутъ отлучаться изъ караванъ-сарая, а мнѣ одному не дозволено. Такое распоряженіе Бухарскихъ властей меня чувствительно поразило: не столько я беспокоился о себѣ, сколько мнѣ нужно было посмотрѣть свой товаръ. Но мнѣ пріѣхалъ Бухарецъ, мой квартирный хозяинъ; и я спрашиваю его, почему мнѣ не дозволяютъ выѣхать посмотрѣть свой товаръ. На это онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ, Николай, Бухарское правительство не советѣмъ довѣрять и слѣдить за тобой больше всѣхъ; впрочемъ, я попрошу, кого слѣдуетъ, чтобъ тебѣ дозволили съѣздить посмотреть товаръ свой». Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, и мнѣ было дозволено съѣздить посмотрѣть свой товаръ, въ какомъ положеніи онъ находится.

Я отправился вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Осмотрѣвъ товаръ, я нашелъ его исправнымъ, такъ какъ квартирный хозяинъ о немъ заботился. Я попилъ у своего хозяина чайку, пообедалъ по-бухарски поѣлъ плову и отправился одинъ въ Бухарскую столицу.

Не успѣлъ я отѣхать одной версты, какъ подъѣхалъ ко мнѣ Бухарецъ, молодой человѣкъ, верхомъ на лошади. «А, здравствуй, Николай. Куда ѣдешь?» спрашиваетъ. Я откровенно сказалъ ему, что былъ тутъ-то и ѣду въ городъ. «Ну, говоритъ онъ, такъ поѣдемъ вмѣстѣ; намъ будетъ веселѣе». Я былъ очень радъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Не сѣдвали мы и пяти верстъ, какъ со стороны выѣхали два Онуфріевскихъ приказчика. Они тоже осматривали свои товары и также отправлялись въ городъ, но только имъ надо было еще захватить, по приглашенію, къ одному пріятелю Бухарцу въ гости. Они пригласили и меня съ собой. Я былъ радъ ихнему приглашенію, главное съ ними веселѣе было ѣхать. Домъ Бухарца былъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Глядимъ, и Бухарецъ, который сопровождалъ меня, ѣдетъ за нами.

Онуфріевскіе приказчики спрашиваютъ его, куда онъ ѣдетъ. «Туда, отвѣчаетъ Бухарець, куда ѣдете вы». Такъ съ нами и пріѣхалъ въ гости къ Бухарцу и вмѣстѣ съ нами угощался, а послѣ угощенія вмѣстѣ съ нами ѣхалъ всю дорогу до самаго караванъ-сарая, гдѣ мы содержались.

Въ воротахъ онъ что-то поговорилъ со старшимъ, показалъ на меня и уѣхалъ, не вѣзжая въ караванъ-сарай. Бухарець этотъ посланъ былъ слѣдить за однимъ мной: меня прямо считали шпиономъ. Вотъ каково было мое положеніе въ Бухарѣ!

Но Бухарцы и Бухарское правительство, считая меня за шпиона, съ одной стороны были правы: тесть и довѣритель мой Ключаревъ, когда былъ приказчикомъ у г. Зубова, былъ посланъ въ Ташкентъ по торговымъ дѣламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему секретно было поручено отъ Оренбургскаго генераль-губернатора развѣдать мѣстность крѣпости, воду и все, что онъ найдетъ замѣчательнымъ. Онъ и исполнилъ, что могъ. Ташкенцы и Бухарцы узнали объ этомъ, но уже тогда, когда онъ возвратился въ Оренбургъ. Вотъ по этому случаю Бухарцы такъ строго и слѣдили за мной; при томъ же со мной былъ посланъ серебряный чайный сервизъ и письмо господину токсабъ, министру Бухарскому, отъ Оренбургскаго генераль-губернатора; послѣднее обстоятельство еще болѣе убѣждало Бухарцевъ, что я шпионъ.

Наступила и весна, Мартъ мѣсяць 1865 года. Вездѣ показалась зелень, только въ нашемъ караванъ-сарай, да и во всей столицѣ, не увидишь ея. У Бухарцевъ наступилъ новый годъ (9 числа Марта). Они его празднуютъ: въ этотъ день бываетъ борьба, скачки, изъ дворца бросаютъ народу маленькія головки сахару, и Бухарцы человекъ по шесть и больше кружатся съ головкой сахару; какъ ужъ они дѣлать ее будутъ или одному кому достанется, мнѣ неизвѣстно. У насъ же Русскихъ православныхъ наступилъ Великій постъ, который мы рѣшились не кушать скоромнаго и готовить кушанье изъ плодовъ и фруктовъ, какіе найдутся; поваромъ у насъ былъ г. Шкилинъ. Намъ было очень пріятно видѣть, что въ это время Бухарцы по всѣмъ базарамъ продавали красныя яйца; это напоминало намъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, котораго мы ожидали съ нетерпѣніемъ. Вотъ насталъ и этотъ давно ожидаемый день. Все, что было можно приготовить для великаго праздника, мы приготовили и рѣшили, какъ будетъ двѣнадцать часовъ, засвѣтить предъ иконами, которыя у насъ были, деревянное масло въ чайныхъ стаканахъ вмѣсто лампадокъ и пропѣть всѣ пасхальныя пѣсни по скольку разъ слѣдуетъ: святцы у меня были. Мы ожидали съ восторгомъ Святой ночи. Къ двѣнадцати часамъ засвѣтили лампадки, и всѣ 8 человекъ начали пѣть «Христосъ воскресъ», «Во-

скресенія день» и такъ далѣе, по уставу, по сколько разъ слѣдуетъ пѣть каждый стихъ. Не пропѣли и четверти заутрени, какъ въ дверяхъ нашей комнаты показался сарайманъ и повелительно закричалъ намъ: «не кричать». Я вышелъ къ нему на галерею и объяснилъ, что у насъ наступилъ большой праздникъ, и мы поемъ священные пѣсни. Но онъ опять повторилъ: «Не кричать, я вамъ приказываю». Я еще разъ объяснилъ ему, что у насъ большой праздникъ, и намъ слѣдуетъ пѣть, но онъ повторялъ свое.

Тогда мной овладѣла какая-то смѣлость, и я, забывъ, что я арестантъ въ Бухарѣ, спросилъ сараймана, есть ли у него записка отъ токсабы. Сарайманъ отвѣтилъ, что записки онъ не имѣетъ. Послѣ этого я возвысилъ голосъ и говорю: «Какъ же ты, не имѣя приказанія отъ токсабы, запрещаешь намъ молиться Богу? Хочешь ли я сброшу тебя внизъ черезъ эти перила», и я подступилъ къ нему очень близко. Сарайманъ, повидимому, порядочно струсилъ, протянулъ ко мнѣ руки со словами: «О, Николай, Николай», и задомъ началъ пятиться къ сходной лѣстницѣ. Послѣ этой сцены мы, не торопясь, допѣли заутреню, и сарайманъ насъ болѣе не беспокоилъ.

Послѣ этой нашей небольшой ссоры сарайманъ ко мнѣ не показывался до нашего освобожденія, но къ моимъ товарищамъ приходилъ нерѣдко и говорилъ имъ, что если Русскихъ будутъ рѣзать, то Николая Чернаго, т. е. меня, онъ зарѣжетъ собственными руками.

Въ половинѣ Апрѣля 1865 года на нашемъ подворьѣ, гдѣ мы были заключены, торгующіе Бухарцы стали что-то перешептываться, и въ караванъ-сараѣ начали показываться новыя личности, даже изъ числа военныхъ.

Однажды приходятъ ко мнѣ Онуфріевскіе приказчики и говорятъ, что принесли хорошую новость, которую и общали рассказать за обѣдомъ; тутъ и Шкилинъ, водочный мастеръ, обѣщаль поднести по стаканчику.

Когда собрались обѣдать, Шмелевъ, тотъ самый который ѣздилъ въ Ташкентъ къ генералу Черняеву съ Бухарскими послами, рассказывалъ все. Вчера приходилъ къ намъ одинъ Бухарецъ, молодой человекъ, который хорошо намъ знакомъ, потому что мы съ нимъ и его отцемъ давно торгуемъ въ Оренбургѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Бухарской арміи и былъ въ лагерь, гдѣ находился самъ эмиръ. «Мы безопасно стояли въ лагерь» рассказывалъ Бухарецъ, и думали, какъ бы намъ разбить Русскихъ, какъ вдругъ слышимъ, во всемъ лагерѣ поднялась тревога, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ наши Бухарцы и кричатъ: «Урусъ, Урусъ» (т.-е. Русскіе, Русскіе). Во всемъ станѣ сдѣлалась такая паника, что каждый думалъ спастись бѣгствомъ, а особенно тѣ, у кото-

рыхъ были хорошія лошади. Самъ эмиръ бѣжалъ первый безъ чалмы и калошъ. «И я тоже, говорилъ молодой Бухарецъ про себя, не отсталъ отъ прочихъ, только успѣлъ кое-какъ осѣдлатъ лошадь и бѣжалъ съ другими, даже не захватилъ и деньги, которыхъ у меня осталось въ пользу Русскихъ 16 тысячъ танковъ. Весь лагерь и весь обозъ достался Русскимъ; одного серебра для содержанія арміи было 40 телѣгъ. И самъ эмиръ скоро прибудетъ сюда въ столицу-Бухару. Вѣроятно, прибавилъ Бухарецъ, и съ вами будетъ перемѣна къ лучшему».

Нашъ караванъ-сарай, или подворье, стали посѣщать новыя личности, возвратившіяся изъ своей побѣдоносной арміи. Съ нами стали обращаться благосклоннѣе. Но вотъ прошелъ слухъ, что скоро будетъ въѣзжать въ столицу-Бухару самъ эмиръ. Слухъ этотъ скоро оправдался: къ намъ пришелъ одинъ Бухарскій чиновникъ и приказалъ готовиться къ встрѣчѣ эмира, который прибудетъ завтра утромъ. Мы приняли это извѣстіе съ удовольствіемъ. На слѣдующее утро мы всѣ восемь человекъ отправились за городъ; Бухарцы также съѣзжались и сходились со всѣхъ сторонъ, кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ, и выстроились по пути, гдѣ будетъ проѣзжать эмиръ. И намъ дали мѣстечко встать, чтобы онъ насъ замѣтилъ. Вотъ вдали показался небольшой отрядъ, сопровождающій эмира. Бухарцы, приложивъ руки къ сердцу, кланялись эмиру, а онъ имъ отвѣчалъ глаженіемъ бороды. Когда онъ поравнялся съ нами, мы всѣ скинули каракулевыя шапки и поклонились, и въ отвѣтъ намъ онъ также погладилъ свою бороду.

Спустя немного времени послѣ пріѣзда эмира, а именно 6-го Іюня 1865 года, пришелъ къ намъ чиновникъ, посланный отъ токсабы, и приказалъ намъ двоимъ—Николаю Рыжему, который ѣздилъ въ Ташкентъ, и Николаю Черному, т.-е. мнѣ, явиться сейчасъ же къ токсабѣ. И мы вдвоемъ съ этимъ же чиновникомъ отправились во дворецъ къ токсабѣ. Чиновникъ доставилъ насъ лично къ нему въ его комнату. Токсаба принялъ насъ очень ласково, раскланялся съ нами; товарищъ мой сталъ передъ нимъ на колѣни, и я невольно послѣдовалъ его примѣру. Токсаба объявилъ намъ: «Эмиръ приказалъ объявить вамъ, что онъ даетъ свободу всѣмъ торговцамъ, какъ Русскимъ, такъ и Татарамъ; теперь вы можете отправиться на свою родину и можете торговать здѣсь свободно».

Раскланявшись съ токсабой, мы отправились съ радостной вѣстью къ своимъ товарищамъ; и вмигъ вся Бухара узнала, что Русскимъ дана свобода. Болѣе значительные Бухарскіе торговцы были рады нашему освобожденію, а сарайманъ, который хотѣлъ меня зарѣзать, пригласилъ насъ въ гости и показалъ своихъ женъ.